

Тайное горе и тайная ревность,
разрушенные жизни и хрупкие надежды...

Кэтрин Уэбб

ПОТАЕННЫЕ МЕСТА

Захватывающая история об обмане и страсти.

The Mail on Sunday

Азбука-бестселлер

Кэтрин Уэбб

Потаенные места

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэбб К.

Потаенные места / К. Уэбб — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-17529-7

В день убийства небо над Слотерфордом было низким и пролилось на землю бурным дождем, первым за несколько недель. Смерть в этой тихой деревушке не была диковинкой, как и везде. Но такой бессмысленной жестокости здесь еще не видели. И кто знает, не станет ли эта трагедия лишь началом – первым звеном в череде многих?.. Как и в других произведениях английской писательницы Кэтрин Уэбб, загадки происходящего тесно связаны с тайнами прошлого, и сюжетные линии, разделенные десятилетиями, неожиданно переплетаются, складываясь в прихотливый узор судьбы, а сквозь патину времени начинают проступать живые картинки ушедшей эпохи. «Потаенные места» вышли в свет в 2017 году и встали в один ряд с лучшими романами Кэтрин Уэбб, завоевавшими популярность и любовь читателей во всем мире: «Наследие», «Полузабытая песня любви», «Английская девушка» и др. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17529-7

© Уэбб К., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Предисловие	8
1. Три девушки	9
2. Кукла	18
3. Дочь природы	37
4. Тронутая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

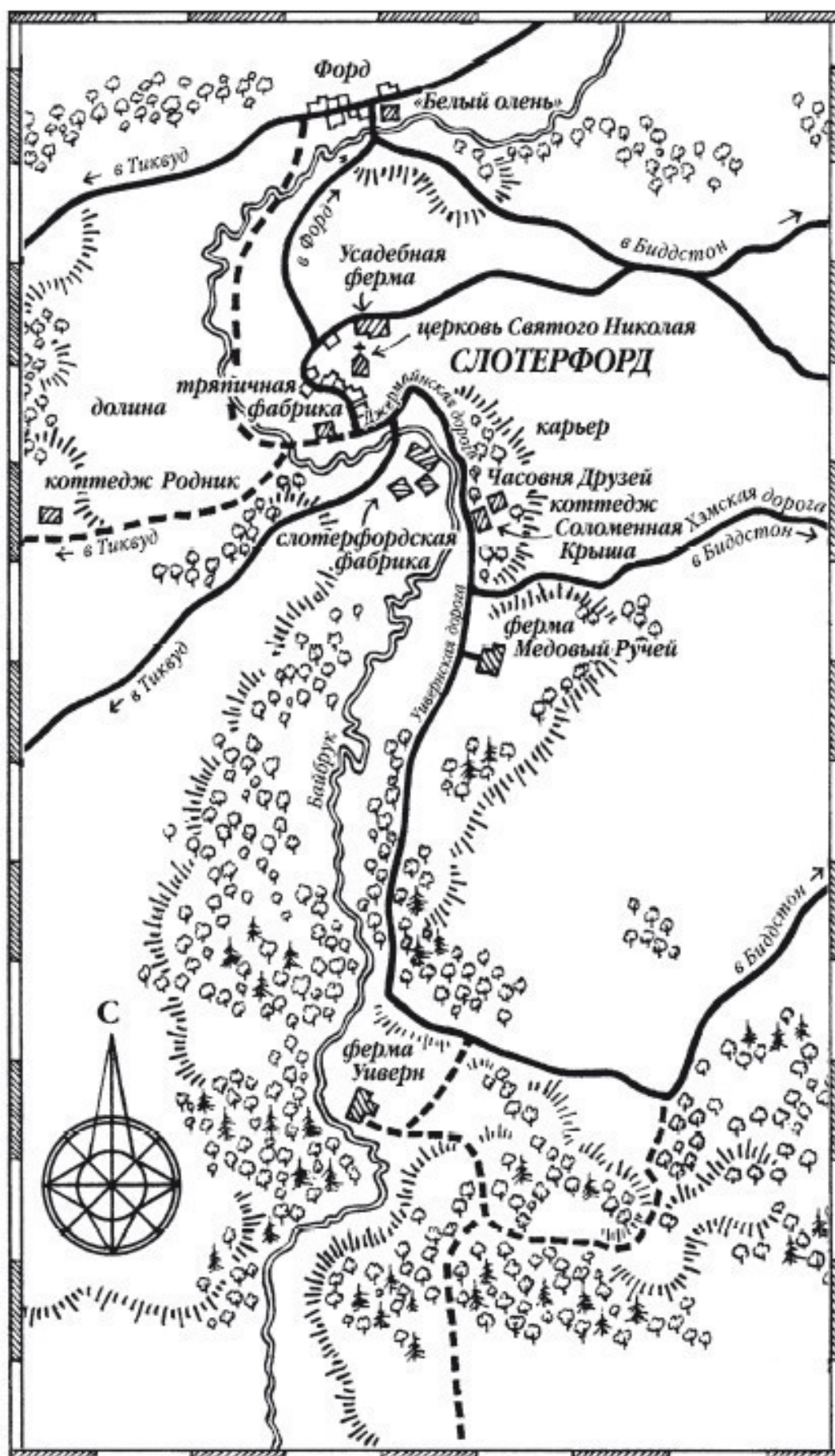
Кэтрин Уэбб

Потаенные места

Katherine Webb
THE HIDING PLACES

Copyright © 2017 by Katherine Webb
First published in 2017 by Orion, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Тарасова

© М. В. Тарасов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

Предисловие

В день убийства небо над Слотерфордом было низким. Тучи почти касались вершушек деревьев, и шел проливной дождь. Щедрый, обильный летний ливень, первый за несколько недель. Жители деревни утверждали, что проснуться в такую погоду не к добру. Это были суеверные люди; повсюду они видели знамения и предвестия, от которых стоило ждать самого худшего. Сид Хэнкок клялся, что речка Байбрук, протекающая у фермы Медовый Ручей, покраснела. Слушавшие сокрушенно кивали головами, хотя убийство произошло не так близко от берега, чтобы кровь могла окрасить воду. Вулли Том, который держал стадо овец на небольшом земельном участке, расположенном на вершине холма, говорил, будто знал, что кого-то настигнет смерть, с тех самых пор, как весной одна из его овцематок родила двухголового ягненка. С того времени он везде носил с собой высушенную кроличью лапку – на случай, если тень смерти упадет на него. В Слотерфорде гибель людей не была диковинкой. Но такого здесь еще не видывали.

Особенно тревожила полнейшая *безвинность* жертвы. Никому в голову не приходило ни одной дурной мысли о погибшей, и никто не мог вспомнить ни одной жестокой или постыдной вещи, которую бы она совершила. Больше всего поражала несправедливость содеянного. Тяжелой болезнью можно захворать запросто, бывают и несчастные случаи со смертельным исходом. Всего год назад шестилетняя Энн Гиббс упала в колодец, расположенный в самом начале дороги к Форду, когда перелезала через каменное ограждение, призванное предотвращать именно такие несчастья. Она утонула из-за неосторожных слов брата, напугавшего ее рассказом о том, что в колодце живут феи. Апоплексические удары, простуды и сердечные приступы собирали свою ежегодную жатву, унося близких людей, но, если ваше время вышло, с этим едва ли можно поспорить. Разного рода трагедии встречаются на каждом шагу, но чтобы кто-то из местных жителей пал жертвой такой жестокости, да еще без всякой причины... Это казалось противоестественным и было неподвластно их пониманию. И все они задавались вопросом, не является ли этот чудовищный акт насилия лишь началом – первым в череде многих.

1. Три девушки

Утром Пудинг задержалась у маленького окна наверху лестницы и увидела мать на лужайке перед домом. Луиза Картрайт стояла у каменной ограды за домом, глядела на мокрые кочки огороженного выгула для скотины, который тянулся вниз по склону долины, и вертела в руках что-то, чего Пудинг не могла разглядеть. Час был ранний, и солнце еще не поднялось высоко над горизонтом. Небо было бледным, но чистым и ясным. Все говорило о том, что предстоит еще один жаркий день. Сердце у Пудинг слегка сжалось, что в последнее время случалось все чаще. Она немного подождала, но когда мать не повернулась к ней и не двинулась с места, Пудинг продолжила спускаться по лестнице, теперь уже медленнее. Тихое похрапывание доносилось из полумрака, царящего в комнате родителей, где все еще спал отец. В прежние дни он был первым, кто поднимался по утрам, успевая растопить плиту и поставить чайник, а также побриться и застегнуть жилет на все пуговицы, прежде чем Пудинг и Дональд, спотыкаясь, входили на кухню, протирая сонные глаза. Теперь девушке приходилось будить его, каждый раз чувствуя себя виноватой. Его сон походил на оцепенение.

На кухне в коттедже Родник царил беспорядок, чего раньше не бывало, – миски на полках больше не укладывались одна в другую в точном соответствии с размером, декоративная гирлянда из хмеля запыхалась. Крошки в трещинах пола и застывшие брызги жира распространяли запах несвежей еды. Дональд ждал за кухонным столом. Он не читал, не чинил что-либо, не составлял список дел на день. Просто сидел и ждал. Он готов был сидеть так весь день, если никто не заставлял его встать и заняться делами. Пудинг, проходя позади брата, тихонько сжала его плечо, и тот, будто выплывая из непостижимых глубин своего «я», улыбнулся ей. Она любила его улыбку – эта улыбка была одной из связанных с ним вещей, которые совершенно не изменились. В ее голове словно выстроились две колонки: в одной был список того, что касалось Дональда и осталось прежним, а в другой – того, что изменилось навсегда. Именно с тем, что было в графе *навсегда*, она и вела борьбу. Она все время ожидала, что он встряхнется, встанет из-за стола со своей прежней резкостью, быстро и энергично, и скажет что-то вроде: «Ты не хочешь тостов со своим любимым вареньем, Пудинг?» Они провели первые два года после того, как он возвратился домой, в ожидании, что он станет прежним. Кое-что вернулось, причем в первый год: любовь к музыке, преклонение перед Аойфой Мур, увлечение техникой, хороший аппетит. Правда, ему иногда было трудно глотать, и тогда он кашлял. Но за последний год никаких изменений к лучшему не произошло. Его темные волосы остались такими же – мягкими, блестящими, непослушными. Очень красивыми. А еще сохранился ироничный изгиб рта, хотя ирония как раз перешла в список тех черт, которые он утратил.

– Доброе утро, Донни, – поздоровалась Пудинг. – Я только взгляну, чем занимается мама, и мы позавтракаем, ладно?

Она похлопала его по плечу и уже успела подойти к задней двери, когда он выдал из себя ответ:

– Доброе утро, Пудди.

Он проговорил это совершенно обычным тоном, походившим на прежний голос ее старшего брата, отчего девушке пришлось сделать глубокий вдох, чтобы остаться спокойной.

Она закрыла за собой дверь, а затем подняла глаза на Луизу – с тем упорным оптимизмом, который никак не могла в себе побороть. Она надеялась, что ее мать перейдет на другое место. А может быть, та лишь собирала петрушку для яичницы или возвращалась из летней уборной и остановилась посмотреть на резвящихся в поле зайцев.

Но мать осталась стоять на месте, а потому Пудинг отвлеклась, обратив внимание на другое. Ее бриджи опять стали ей малы, пояс съехал вниз, и подтяжки начали впиваться в плечи, один из носков сполз по ноге и сбился в конец туфли, а блузка натягивалась под мыш-

ками, потому что грудь, похоже, с каждым днем становилась все больше, как бы ей ни хотелось обратного. Казалось, одежда находится с ней в состоянии войны, постоянно подчеркивая против воли хозяйки ее рост вверх и вширь. Воздух был прохладен, чист, как стекло, и наполнен запахами луга. Шаги Луизы по росистой траве оставили темно-зеленые следы на фоне серебряных капель. Пудинг шла, наступая точно на них, что укорачивало ее шаг.

– Мама? – позвала она.

Девушка хотела сказать что-то веселое и непринужденное, чтобы как-то сгладить странность ситуации. Но Луиза резко и испуганно повернула голову; на ее лице застыло выражение, которое говорило о том, что она не узнает подошедшую. Этого бессмысленного взгляда с примесью тревоги Пудинг в последнее время начала бояться больше всего. У нее сдавило в груди. Потом Луиза улыбнулась, и ее улыбка казалась почти прежней, лишь слегка рассеянной, слегка пустой.

– Пудинг! Вот ты где, дорогая. Я искала тебя, – сказала она.

В глазах Луизы читалась борьба, показывающая, что та пытается овладеть ситуацией и понять, что происходит. В руках Луизы ничего не было, Пудинг теперь видела это ясно. Просто руки матери были заняты нижней пуговицей ее желтой кофты. Она всегда начинала застегивать ее снизу, но в то утро остановилась в самом начале.

– Правда, мама? – спросила Пудинг, еще больше напрягая сжатое горло, чтобы сглотнуть.

– Да. Где ты была?

– Нигде, просто наверху, в своей комнате. Я не слышала, как ты звала. Пойдем, – торопливо добавила Пудинг, прежде чем ее вымысел успел сбить мать с толку. – Пойдем в дом и поставим чайник, ладно? А потом выпьем свежего чая?

– Да. Это как раз то, что нам нужно.

Луиза тихонько вздохнула, развернулась и пошла к дому рядом с дочерью.

Шагая, они уничтожали свои первоначальные следы. Росистая трава была высокой и замочила ноги девушки до самых лодыжек. Тем не менее она вдруг почувствовала неодолимый всплеск веселья, когда стая стрижей с радостным щебетом пронеслась по небу прямо над ними, а стадо молочных коров, принадлежащих хозяевам Усадебной фермы, стало спускаться по противоположному склону долины после утренней дойки.

– Мама, ты видела зайцев в поле? – спросила Пудинг опрометчиво.

– Кого? Когда? – удивилась Луиза, и Пудинг тут же пожалела о своем вопросе.

– Я просто так. Не важно.

Она взяла мать под локоть и прижалась к ней, а Луиза похлопала ее по руке.

Вокруг заднего крыльца разрослись одуванчики, рядом стояло ведро, полное золы, черная смородина перезрела, никто ее не собирал, кроме дроздов, которые затем оставляли свои фиолетовые метки на дорожке и на оконных отливах. Но когда они вернулись на кухню, отец Пудинг, доктор Картрайт, уже был там, хлопоча у растопленной плиты, на которой шипел чайник. Он уже расчесал волосы и оделся, но все еще не побрился, а его глаза были по-прежнему немного сонными.

– Две свежие розы, омытые росой сада, – приветствовал он их.

– Доброе утро, папа. Надеюсь, ты хорошо выспался?

Пудинг поставила на стол масленку, со скрипом вытащила из-под столешницы ящик с ножами, достала из глиняного кувшина буханку вчерашнего хлеба.

– Слишком хорошо! Вам следовало разбудить меня пораньше.

Улыбаясь, доктор похлопал жену по плечам, отодвинул спутанные пряди волос с ее лба и поцеловал в темя. Пудинг отвернулась, смущенная и счастливая.

– Будешь тосты, Донни? – спросила Луиза.

Она успела застегнуть свою кофту, заметила Пудинг. Каждая пуговица находилась в нужной петельке.

– Да, мама, с удовольствием, – отозвался Дональд.

Теперь, когда стол был накрыт, они собрались вокруг него – возможно, не совсем так, как это бывало раньше, но все-таки следуя давней привычке, которая казалась им блаженно знакомой. Родные по ночам разбредаются кто куда, подумала Пудинг. Рассыпаются, как семена чертополоха, подхваченные ветрами, которые она не может ни почувствовать, ни понять. Зато она понимала, что в ее задачу входит собирать их вместе по утрам. Нарезая хлеб, Пудинг стала напевать отрывок из «Наступило утро»¹, безбожно фальшивя, чтобы заставить их улыбнуться.

* * *

Когда Ирен услышала громкое дребезжание велосипеда Кита Гловера, ее сердце екнуло, потом бешено забилося, но из осторожности она даже глаз не подняла и не шевельнулась. Осмотрительность советовала вообще никак не реагировать, но оставался вопрос, не выдаст ли ее с головой совершенная неподвижность. Она чувствовала себя так, словно вина была написана на ее лице ярко-красными буквами, которые непременно прочтет Нэнси – ужасная Нэнси с глазами орлицы, всегда открыто выражавшая неодобрение по поводу всего, что Ирен говорила или делала. Она сидела напротив Ирен за столом, на котором был сервирован завтрак, намазывая на свой тост тончайший слой масла и хмурясь, когда в мармеладе² ей попадались чрезмерно большие кусочки кожуры. Солнце сияло в серебристых прядях ее волос, стянутых в простой пучок, яркими бликами играло на столешнице из палисандрового дерева. Ее характер был тверд, как железо, но сама она выглядела маленькой, хрупкой и сидела, скрестив миниатюрные ноги. Она хлопнула по странице газеты, расправляя ее, почитала пару секунд, а затем фыркнула, над чем-то насмехаясь. Ирен не ждала, что та прояснит, в чем дело, но Алистер выжидающе поднял глаза. Он устремлял на нее взгляд всякий раз с легкой улыбкой на лице, терпеливо ожидая, что она скажет. Его оптимизм казался безмерным, и Ирен восхищалась этим качеством. Благодаря этому глаза мужа блестели; и, несмотря на небольшие мешки под ними, Алистер выглядел моложе своих лет – даже моложе ее двадцати четырех, хотя она была почти на пятнадцать лет младше супруга. У нее было такое чувство, что за шесть недель, проведенных в Слотерфорде, она постарела на десять лет.

Во дворе раздались шаги, и медная крышка на почтовом ящике скрипнула, поднявшись и опустившись. Ирен посмотрела на свои пальцы, едва касающиеся ручки кофейной чашки, и постаралась скрыть их дрожь. Ее взгляд упал на украшенный бриллиантом перстень, подарок к помолвке, и на золотое обручальное кольцо. Как обычно, после чувства вины пришла злость – на себя, на Фина и на ни в чем не повинного Алистера. Порыв слепящей горячей ярости, вызванной ситуацией, в которой она оказалась, гнева на тех, кто был в ней повинен, а больше всего на саму себя. Новая роль ей решительно не нравилась, даже притом, что она исполняла ее так прилежно, как только могла. Гнев исчез так же быстро, как и возник, и тут же сменился отчаянием. Отчаянием, похожим на бездонный омут, в который она могла свалиться без всякой надежды выкарабкаться. Без спасательного круга, каковым могли стать доброе слово или некий знак судьбы, служащий доказательством того, что, даже если ее страдания продлятся, она, по крайней мере, сможет с кем-то их разделить. Что она сделает, если и правда увидит почерк Фина на конверте, Ирен понятия не имела. Ей трудно будет сохранить самообладание, и, скорее всего, она просто взорвется. У нее тревожно засосало под ложечкой, но Ирен по-прежнему оставалась совершенно неподвижной.

– Похоже, будет еще один прекрасный день, – внезапно сказал Алистер.

¹ «Наступило утро» – популярный христианский гимн на слова Элеоноры Фарджен (1881–1965); часто исполняется на детских и похоронных службах.

² Имеется в виду варенье из цитрусовых (чаще всего апельсиновое).

Ирен взглянула на него, испугалась и увидела, как он ей улыбается. Она попыталась улыбнуться в ответ, но так и не поняла, удалось ей это или нет.

– Да, – отозвалась она.

Нэнси трижды моргнула, ее взгляд перескочил с Алистера на Ирен, а потом вновь устремился на Алистера.

– Какие у тебя планы, дорогая? – спросил Алистер у Ирен.

Он положил руку на лежавшую на столе ладонь жены, и кофейная чашка ударилась о блюдце, когда одеревеневшие пальцы Ирен ее отпустили.

– Я... еще не думала о них.

Тут Ирен услышала, как в комнату, где они завтракают, идет Флоренс – из коридора донеслись легкие, словно извиняющиеся, шаги и осторожный скрип половиц. У девушки были маленькие глазки-бусины и остренький носик, как у мышки, которые вполне соответствовали ее характеру. Сердце Ирен вышло из-под контроля и тревожно забилося.

Флоренс тихо постучала, вошла с письмами на подносе, положила их на стол рядом с локтем Алистера и неуклюже присела, перед тем как выйти. Алистер разложил конверты – их оказалось четыре. Ирен затаила дыхание. Затем он взял их со стола, разгладил и, вставая на ноги, сунул в карман пиджака.

– Ну, в любом случае наслаждайтесь прекрасным днем. Я вернусь к обеду. Если погода будет такой же хорошей, как вчера, мы накроем стол на террасе.

Он осторожно отодвинул кресло и снова улыбнулся Ирен. Запас улыбок у Алистера, похоже, был неисчерпаем, и оптимизма тоже, в то время как Ирен чувствовала, что ей катастрофически не хватает ни того ни другого. Все лицо мужа было как бы настроено на улыбку – и мягкость взгляда, и поднимающиеся кверху уголки губ. Без улыбки его лицо казалось словно голым.

– Ты можешь навестить миссис Картрайт и поинтересоваться, как она поживает.

– Миссис Картрайт?

– Да, жену здешнего доктора. Ты ее знаешь. Это мать Пудинг и Дональда.

– Да, конечно.

Ирен знала, что ей следовало хорошо запомнить имена местных жителей и научиться сопоставлять их с лицами – колесный мастер, кузнец, жена викария, хозяйка лавки, ее сын, который приносит почту. Она понимала: в такой маленькой деревне, как Слотерфорд, непрослительно не помнить, кто есть кто. В последнее время она, похоже, наделала много досадных ошибок, но именно теперь ей было совершенно неважно нанести визит жене врача – абсолютно незнакомой женщине и к тому же неизлечимо больной. Она смутно помнила, что ей об этом говорили. Ирен не имела ни малейшего понятия, что она должна сказать этой женщине. Но тут Алистер вышел, и Ирен снова осталась наедине с Нэнси. Впереди был долгий день, и его пустоту следовало как-то заполнить. Она посмотрела на тетку мужа, зная, что Нэнси будет в открытую наблюдать за ней, соорудив осуждающую мину, – теперь, когда нет Алистера, присутствие которого ее сдерживало. Ну конечно же, так и есть. Опять этот понимающий взгляд, приподнятые брови, насмешливая полуулыбка. Нэнси казалась Ирен особенно суровой частью ее епитимьи.

Будучи на седьмом десятке, та была худощава и хорошо сохранилась. Морщины на ее лице были тонкими, едва заметными, изысканными. Когда Алистер говорил Ирен, что его тетя живет вместе с ним на Усадебной ферме, она представляла себе отдельный коттедж – ну, по крайней мере, отдельное крыло дома – и приятную старую даму, заполняющую свое время составлением букетов для церкви и организацией благотворительных обедов. Но уж ни в коем случае не это острое шило, которое так и норовило ее уколоть, куда бы она ни направилась. Когда Ирен обратила на это внимание Алистера, на его лице отобразилась душевная боль.

– Моя мать умерла в день моего рождения, Ирен. Нэнси фактически мне ее заменила и растила меня как собственного сына. Я не знаю, как вышел бы из такого трудного положения мой отец, если бы тетушки не было здесь с нами. Один бы он не справился.

Ирен снова взяла свою чашку, хотя и не собиралась допивать кофе. Напиток был уже совершенно холодный, и сверху его покрывала какая-то пленка. В конце концов Нэнси сложила газету и встала.

– Правда, Ирен, дорогая, вы должны что-нибудь съесть, – сказала она. – Может, в Лондоне сейчас и принято спокойно смотреть в лицо смерти, но здесь вы будете выделяться. Не дай бог кто-нибудь подумает, что вы несчастны, хотя это, конечно, немыслимо для новобрачной. – Нэнси еще мгновение рассматривала Ирен, как бабочку, насаженную на иголку, но Ирен знала: ее мучительница не ждет от нее ответа. Немыслимо, непростительно. Эти слова были новы для Ирен применительно к ней самой. Увы, отныне их могли произнести за ее спиной. – Вы теперь Хадли, юная леди. А Хадли всегда служили здесь образцом, – добавила Нэнси, поворачиваясь, чтобы уйти.

Лишь когда та закрыла за собой дверь, Ирен позволила подбородку опуститься, и ее руки безжизненно упали на колени. Тишина в комнате показалась ей звенящей.

* * *

Зимородок, трясогузка, большая синица, овсянка. Клемми шла, держа в голове этот список, который звучал как песенка, помогающая шагать и дышать ей в такт, поднимаясь по косогору. Вдох, выдох.

Зимородок, трясогузка, большая синица, овсянка. Утреннее солнце бодро слепило ей глаза, и голова чесалась от пота под волосами – буйными белокурыми кудряшками, которые отчаянно сопротивлялись любой попытке их расчесать и были так похожи на материнские. Она поднималась по узкой тропинке, идущей от задней живой изгороди фермы Уиверн к дороге на Слотерфорд. Сейчас, рано утром, этот путь был еще терпимым. К полудню здесь начинало палить солнце, после чего принимались гудеть мошки и слепни, поэтому возвращалась она обычно другой дорогой, идущей по берегу реки. Она была более длинной, извилистой, но обещала больше прохлады. Живая изгородь в значительной степени состояла из дикого шиповника, усыпанного цветами и птичьими гнездами, в которых сидели птенцы. За ней паслись коровы ее отца. Она слышала, как они бродят по лугу, и чувствовала исходящий от них сладковатый запах. *Зимородок, трясогузка, большая синица, овсянка.* Бутылки с молоком и круги сыра в корзинах, свисающих с коромысла, лежащего на ее плечах, покачивались и побрякивали. Коромысло было слишком широким для узкой тропы. Заросли медвежьей дудки и дикие клематисы щекотали ей руки, цветы наперстянки склонялись под тяжестью пчел.

Родители больше не требовали, чтобы Клемми возвращалась тотчас после выполнения возложенных на нее поручений. Она возвращалась, когда возвращалась, рано или поздно, в зависимости от того, сколько времени занималась с Алистером Хадли, или наблюдала за рекой, или бродила, погруженная в свои фантазии. Обычно она старалась нигде не задерживаться, зная, что на ферме для нее всегда есть работа. Но даже если девушка шла быстрым шагом, она, как правило, замедляла его у воды или в лесу. Иногда Клемми видела то, что заставляло остановиться и поглощало все ее внимание. Она даже не понимала, как так получилось, не знала, сколько прошло времени, пока не замечала, где находится солнце. Когда она наконец приходила домой, сестры закатывали глаза, приветствуя ее с разной степенью неприязни в зависимости от часа: «А вот и наша прекрасная дурочка» – если в ней не было нужды, или: «Посмотрите-ка, вот она тащится, эта драная кошка» – если нужда в ней имелась. Но Клемми продолжала бродить по окрестностям. У нее была такая потребность. Поэтому родители и поручали ей доставку молока в столовую, прекрасно понимая, что не скоро снова ее увидят.

Молоко от коров Усадебной фермы – хозяева которой также владели местной бумажной фабрикой, – наряду с молоком других, более крупных ферм, имевшихся в округе, поступало на заводы, производящие масло и сгущенное молоко, а потому местные поставки осуществляли хозяева фермы Уиверн, стадо которых было невелико.

«По крайней мере, она хоть занята чем-то полезным», – уныло говаривал ее отец. Сам он дважды в неделю запрягал свою тележку и вез большую часть молока, сыра, масла и яиц на рынок в Чиппенхем³.

Несмотря на ранний час, над тенистой Джермайнской дорогой кружили мухи, а в воздухе витал тяжелый чесночный запах черемши и лисий мускусный аромат лесных анемонов. Белая пыльная дорога шла, минуя несколько больших петель реки Байбрук, по лесистому северо-западному склону холма, на который только что поднялась Клемми с низменной поймы, где расположилась ферма Уиверн. Клемми откинула назад голову, чтобы посмотреть на клочки синего неба, виднеющиеся между ветвями деревьев. В вышине кружила темная птица. Сарыч. Клемми добавила его в утренний список, а затем и белку, которая перепрыгнула с дерева на дерево над самой ее головой, – быстрая вспышка ярко-рыжего меха. Буки, дубы, вязы... Их молодая листва создавала непроницаемую сень, из-за которой ранние цветы отошли так скоро. Осталась только жимолость, обступившая молодой вяз и украсившая его ветви своими цветами. Когда девушка пошла дальше, лоскутки сияющего неба все еще стояли перед ее почти ослепшими от яркого света глазами.

Клемми ходила по этому пути с давящим на плечи коромыслом бесчисленное число раз, но когда слотерфордская фабрика появлялась из-за гребня холма, это всегда заставляло девушку остановиться, чтобы насладиться видом. Множество зданий и сараев, сгрудившихся у реки, высокая дымящая труба. Монотонное бречание бумагоделательной машины, ее вибрация, уходящая вниз, в землю, а затем поднимающаяся вверх, к подошвам ее ног. Когда девушка проходила по пешеходному мостику над рекой, она слышала шум воды, льющейся на водяное колесо.

Внезапный запах металла, пара и смазки, вспотевших мужчин, кирпичка и работы, не похожий ни на что в мире. Впрочем, была и другая причина, которая заставляла ее сердце биться быстрее. Парень. Она могла завернуть за угол и увидеть его. Клемми знала: отныне ее мысли будут стремиться только к нему и ни к кому другому. Она не могла забыть того, что он для нее сделал, и хотела увидеть его ровно настолько, насколько боялась этого, а потому в замешательстве остановилась, прислонившись лбом к стене, чтобы послушать шум водяного колеса и почувствовать его биение, передающее вибрацию прямо в мозг. Она все еще стояла так, когда случайно проходивший мимо фабричный приказчик ее окликнул.

– Поднимайся, красотка, и убери молоко с солнца, – проговорил он, добродушно улыбаясь из-под густых усов, более рыжих, чем шевелюра на голове, и пушистых, как хвост лисицы.

Клемми доверяла этому человеку. Он никогда не подходил слишком близко и не пытался дотронуться до нее.

Она сделала, как он посоветовал, и вошла во двор фабрики, но ее беспокоило это – то, что надо высматривать. Наблюдать в надежде найти. Девушка никогда не делала этого раньше. Ей нравилось просто смотреть, а не высматривать. На фабрике работало всего несколько женщин, в столовой и на складе, в длинном низком строении недалеко от кромки воды. Внутри него было безупречно чисто, хотя подмораживало зимой. Половицы из вяза были тщательно подметены, а стеллажи из грецкого ореха отполированы за многие годы службы. Нигде не было даже капли машинного масла или чернил, которые могли испортить готовую бумагу, упакованную в прочные мешки, еще недавно предназначавшиеся для сахара и муки. Летом здесь

³ Чиппенхем – большой рыночный город в северо-западном Уилтшире. Находится в 20 милях к востоку от Бристоля и в 86 милях к западу от Лондона.

восхитительно пахло пчелиным воском, хлопком и деревом, но, вообще-то, Клемми входить сюда запрещалось – нечего соваться в чистое место с грязными ногами и запыленным подолом. Когда она проходила мимо, две работницы как раз направлялись к конторщику, чтобы отметить время прихода на работу. Одна из них помахала Клемми рукой. Это была темноволосая Делайла Купер; в памяти у Клемми она прочно соединилась с долгими часами, проведенными в Слотерфорде в домашнем детском саду, когда они были совсем крохами, едва научившимися ходить. Он был открыт в домике у дряхлой старухи с кислым лицом, получавшей плату за то, что она за ними присматривала. Она следила за тем, чтобы девочки не путались у нее под ногами в течение дня, а также учила с ними буквы, песни и молитвы.

Лицо Делайлы вызывало воспоминания о спертом воздухе в комнате, где проводили весь день десять маленьких детей, о водянистой каше, копоты и холодном каменном поле. Другая женщина посмотрела на нее с подозрением, но Клемми это ничуть не смутило. Ей нравился доносящийся со двора скрип и топот женских башмаков на толстой деревянной подошве, а также громкий стук, раздававшийся, когда их скидывали у дверей, оставаясь в туфлях, на которые те надевались. Она закрыла глаза и принялась слушать.

– У нее не все ладно с головой, у этой девчонки, – проговорила женщина, хмурясь.

Клемми отнесла молоко в столовую, а затем прошла к старому фермерскому дому, основательной каменной постройке, вокруг которой фабрика возникла, а потом разрослась, словно крапива. Немногие теперь помнили ферму Чаппса, стоявшую здесь до фабрики, и фермерский дом, в котором родилась двоюродная бабушка Клемми Сьюзан – однажды утром, раньше положенного срока, на соломенной циновке. В прежнем фермерском доме теперь размещалась контора фабрики, где стояли столы приказчика и его клерка и находился кабинет Алистера Хадли с Усадьбой фермы, который владел всем в округе. Тот был человеком добрым. Клемми нравилось его лицо, на котором всегда играла улыбка, и то, как он кивал работникам и говорил с ними, когда осматривал работу. Казалось, он относился к ним с большим уважением, хотя, на взгляд Клемми, богатство этого человека делало его существом другого порядка. Сияние его чисто выбритой кожи очаровывало ее. Как будто он дышал другим воздухом. Иногда девушка проходила через весь фабричный двор и выходила с другой стороны, но тем утром она поднялась по лестнице старого фермерского дома и постучалась в дверь кабинета Алистера. Он оторвал взгляд от своего стола и озабоченно наморщил лоб.

– А, Клемми. Ты застала меня врасплох. Мы договаривались об уроке? – спросил он рассеянно. Клемми повернулась, чтобы уйти. – Нет-нет, заходи. Пятнадцать минут сегодня ничего не изменят.

Алистер поднялся, чтобы закрыть за ней дверь. Она уловила аромат его масла для волос и тот особенный мужской запах, который исходил от его пиджака. Ни у кого в Слотерфорде руки не были такими чистыми, как у него. Поверхность огромного стола была скрыта под стопками бумаг. Одни из них являлись образцами продукции фабрики, на других, еще более высокого качества, было что-то напечатано. Клемми не смогла бы прочитать ни слова, даже если бы захотела. Она прошла к своему обычному месту у окна и повернулась к нему спиной. Ей нравилось казаться лишь силуэтом на его фоне, поскольку ее лицо было затенено.

– Итак, Клемми, – сказал Алистер, присаживаясь на край стола, – ты тренировалась? – Ничуть не смущаясь, Клемми пожала плечами, давая понять, что она этого не делала. Алистер не моргнул и глазом. – Ну, не важно. Хочешь, начнем с дыхательных упражнений, которые я тебе показал?

Урок прошел не очень хорошо. Клемми переминалась с ноги на ногу и жалела, что зря потревожила своего учителя. Время было выбрано неудачно, она не могла сосредоточиться и быстро устала. Чувствуя себя побежденным, Алистер похлопал ее по плечу, когда она уходила.

– Ничего, – проговорил он. – Мы еще наверстаем, Клемми. Я в этом уверен.

Нэнси Хадли поднималась по лестнице, когда Клемми уходила. Инстинктивно Клемми отодвинулась немного в сторону, прижала руки к бокам и постаралась не смотреть на нее. Характер у Нэнси был непростой, а вернее сказать, тяжелый. Ее взор напоминал железные гвозди, и когда она говорила, то глядела всегда мимо Клемми и никогда ей в лицо.

– Право, Алистер, чего ты хочешь добиться? – спросила Нэнси, входя в кабинет.

– Нет никакой разумной причины, которая помешала бы этой девушке заговорить, – тихо произнес Алистер. – Ее только нужно научить.

– Не понимаю, почему именно ты должен брать на себя ответственность за это.

– Потому что до нее больше никому нет дела, Нэнси.

– Но следует понимать, что люди станут судачить, будто, запираясь с ней в кабинете, ты учишь ее не только говорить. Вряд ли разумно давать повод для таких слухов. А в особенности сейчас.

– Право, Нэнси. Я уверен, никто не думает ничего подобного.

– Сомневаюсь, что твоя тепличная роза одобрит, если узнает.

– Ты говоришь, словно я делаю что-то плохое, Нэнси, тогда как это совершенно не так.

– Ну, я просто надеюсь, что ты не дашь девушке поводов для фантазий, вот и все.

Дверь закрылась, голоса стали приглушенными, и Клемми беззаботно спустилась вниз по ступенькам.

Она подошла к магазину, чтобы забрать письма для фермы Уиверн, – как обычно, их было очень мало. Лавочница всегда давала ей небольшое угощение – сладости, или кусочек сыра, или яблоко – за то, что девушка избавляла ее сына от долгого путешествия к ферме Уиверн, чтобы их доставить. Вот и сегодня, продолжая свой путь, Клемми жевала ириску. Но парень. Парень. Его звали Илай, и он был из дурной семьи. Таннеры. Худшие люди на земле, как однажды сказал ее отец, Уильям Мэтлок, раз и навсегда запретив дочерям водить шашни с кем-либо из их отпрысков. Несколько лет назад он пригласил одного из них помочь косить сено. Парень пытался приставать к сестре Клемми, Джози, которой тогда было всего двенадцать лет, и дело закончилось разбитой губой. А когда ему указали на дверь, он ушел с двумя курами. Теперь лицо Уильяма принимало злобный вид при любом упоминании Таннеров. Но Клемми никак не могла забыть о виденном, о том, что этот парень сделал – сделал для нее. Она не могла не вызывать в памяти его лица. С ней творилось нечто такое, чего она не понимала сама. Ее инстинкты, которым до сих пор она полностью доверялась, теперь молчали и ничем не могли ей помочь. У него под ногтями виднелась кровь и на руках были глубокие царапины. От него пахло пивом и потом, чем-то гнетущим и тягостным, но под этим запахом скрывалось и что-то приятное. Он назвал ей свое имя – демонстративно, как будто она бросила ему вызов: «Я Илай». И ни слова больше. Его молчание было мучительно громким.

Илая нигде не было видно. Если в тот день он находился на фабрике, то уже трудился где-то в цеху. Правда, иногда он работал неподалеку, на расположенной выше по течению реки небольшой фабрике, на которой старое тряпье превращали в пульпу⁴. Клемми вспомнила, как Илай вел туда лохматого пони, тащившего тележку с грузом ветоши. Всякий раз, когда лошадка начинала мотать головой в знак протеста, он дергал за уздечку, и его лицо искажалось от гнева. В нем было много злости, которая так не вязалась с тем, что он сделал для нее. Она посмотрела в сторону тряпичной фабрики, но ей не хотелось идти дальше вверх по реке. Когда она в беспокойстве покидала фабричный двор, ветер донес до нее солодовый запах пивоварни «Литтл и сыновья», один из ее любимых. Ей предстояла долгая дорога домой вдоль западного берега реки, находящегося под защитой деревьев. Тропы как таковой там не было, но она и без того знала, куда идти. Пустившись в путь, она почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Она знала

⁴ Пульпа – основа для производства тряпичной бумаги.

это чувство и сразу поняла: чужой взгляд. На этот раз, однако, она огляделась вокруг и попыталась увидеть, кто на нее так уставился, – не тот ли парень. *Илай*.

2. Кукла

Пудинг приложила все усилия для того, чтобы выглядеть прилично. Новая миссис Хадли наконец-то собралась зайти в конюшню, чтобы посмотреть на лошадь, которую мистер Хадли купил для нее в надежде, что она пристрастится к верховой езде. Ирен Хадли прожила на Усадьбой ферме уже почти шесть недель, весна успела смениться летом, но совсем немногим в деревне удалось ее увидеть, и это возбудило разные толки. По версии самых благожелательных, она, судя по всему, была инвалидом. К ней и так возник нездоровый интерес, сопровождавшийся порядочной шумихой, когда они с Алистером после бурного периода ухаживаний сыграли свадьбу в Лондоне, а не в церкви Святого Николаса, приземистой и одинокой постройке на деревенской лужайке. Когда женился старый мистер Хадли, всю деревню пригласили на вечеринку в саду Усадьбой фермы – с пивом, гирляндами флажков и плавающими в тазу яблоками, которые требовалось вытащить одними зубами, без помощи рук. Не то чтобы Пудинг мечтала увидеть нечто подобное, но она слышала, как об этом говорили. А недавно она подслушала разговор миссис Гловер, владелицы крошечной лавки, с ее подругой Долорес Поул, они жаловались на нехватку праздников. Еще до того как новобрачная прибыла в Слотерфорд и, по всей видимости, стала избегать его жителей, те почувствовали себя обманутыми новой миссис Хадли. Впрочем, Пудинг нравилась идея неожиданной свадьбы, – по-видимому, спешка была продиктована страстью, слишком горячей, чтобы ей долго сопротивляться, потребностью обладать и быть обладаемой. Эти мысли порождали в Пудинг зависть – она мечтала вздыхать о ком-нибудь и быть предметом страстных томлений, хотя подобные чувства представляли для нее головоломку, разгадать которую ей пока не удавалось. Такая страсть, казалось девушке, не могла не сказаться на облике Ирен Хадли. Возможно, та излучала внутреннее сияние. Поскольку Пудинг видела свою героиню лишь мельком и только два раза: в первый – когда та сидела на задней террасе с опущенным лицом и во второй – когда та глядела куда-то из окна дома, – Ирен Хадли стала для девушки далекой, восхитительной и почти сказочной фигурой. При мысли о том, что она может встретиться с ней воочию, сердце Пудинг начинало бешено колотиться.

На Усадьбой ферме было пять стойл и большая конюшня, которую называли «каретный сарай». Там стоял двухместный стенхоуп⁵ и обитала коренастая лошадка-пони, которую в него запрягали. «Сарай» был построен в прошлом веке на другой стороне небольшого двора к западу от жилого дома из того же, что и весь Слотерфорд, золотистого известняка, который добывался на склоне холма, возвышающегося над фабрикой. Этот двор был местом, где держали верховых лошадей, и Пудинг чувствовала себя здесь как дома. Три пары рабочих лошадей фермы – шестерка могучих шайров⁶ с мохнатыми ногами и мощными мускулами – содержались в пристройке за высоким амбаром, и за ними ухаживал невысокий жилистый конюх по имени Хилариус. Он носил одну и ту же длинную холщовую робу каждый день, в дождь и в ведро. Никто не знал его возраста, это был древний старик, который жил при ферме с тех пор, как родился, – намного дольше, чем кто-либо другой. Родители Хилариуса изначально приехали откуда-то из Европы. Его глаза смотрели на мир из-под сетки морщин, и он был неразговорчив. Летом он спал на соломенном матрасе на антресолях похожего на пещеру большого амбара, зимой перебирался на сеновал под крышей каретного сарая. В его обязанности входило каждый день к семи утра запрягать тяжеловозов, чтобы возницы могли выехать с ними в поле, а затем в конце дня, когда те возвращались после пахоты, сева или еще какой-нибудь работы, принимать коней обратно, вытирать их, кормить и снимать сбрую. Показывая, как и

⁵ *Стенхоуп* – двуколка, кабриолет или легкий фэзтон, как правило, с высоким сиденьем и закрытой спинкой.

⁶ *Шайр* – порода лошадей-тяжеловозов.

что нужно делать, с помощью кивков и жестов, Хилариус научил Пудинг многому из того, что нужно знать о конюшенном деле. Остальное она сама почерпнула из книги под названием «Правильные приемы ухода за лошадьми», которую взяла в библиотеке в Чиппенхеме.

Сено привозили из риги на холме, где его хранили в скирдах под крышей, чтобы не намочили дожди. Один из небольших сараев фермы, стоявший на отшибе, использовался для хранения седел, уздечек и прочей сбруи. Здесь находилась маленькая пузатая дровяная печь, которую топили, чтобы кожа не плесневела. На нее Пудинг ставила кипятиться чайник. Снаружи стояло древнее каменное корыто для воды, порой используемое в качестве возвышения, с которого салятся верхом на лошадь. Пудинг содержала сарай для сбруи в такой же безупречной чистоте, как и двор. Однажды прачка даже пошутила, что у воробьев там скоро не найдется строительного материала, чтобы вить гнезда. После этого девушка взяла за правило каждое утро бросать на навозную кучу несколько клочков старого сена. Но только во время гнездования. Хорошо еще, что у ворот, ведущих на устроенный в поле выгон, было достаточно грязи для ласточек. Они прилетели несколько недель назад, тут же приступив к починке своих гнезд, лепившихся под крышей вдоль карнизов, и были настолько симпатичными, что Пудинг даже не сердилась, когда они роняли ей на волосы помет. Подопечных у Пудинг было пятеро. Длинноногий гнедой гунтер⁷ по кличке Барон предназначался для мистера Хадли. На пони по кличке Хохолок, ныне невероятно дряхлом и облезлом, хозяин фермы ездил в детстве. Кобыла-полукровка Проказница принадлежала Нэнси Хадли, хотя та садилась на нее все реже и реже из-за больной поясницы. Коротконогого конька-коба⁸ Данди⁹ запрягали в легкую открытую двухколку-стенхоуп, когда кто-то хотел съездить в город. Последним был Робин, мерин миссис Хадли. Он был ненамного выше, чем пони, обладал невероятно тихим нравом, но не казался тяжеловесным или недостаточно резвым. Даже его масть была нежной – буланая с медовым отливом. Ирен Хадли просто не могла его не полюбить.

Пудинг вывела его во двор незадолго до одиннадцати и навела на него окончательный глянец. Когда он приподнял заднее копыто, она подтолкнула своего любимца, чтобы тот встал прямее, желая показать его в лучшем виде. В конце концов, он был отражением ее работы, а Пудинг мечтала быть лучшей девушкой-конюхом на свете. Ей хотелось этого больше всего остального. Ну, может, не *всего*. Она подумала о Донни и матери, а также о своем тайном томлении. А в остальном этого ей хотелось больше всего. Правда, отец все еще настаивал на том, чтобы она поступила в секретарский колледж, а возможно, даже в университет. Последнее некогда планировал сделать Донни. Он должен был стать инженером – у него имелся к этому природный талант и он прекрасно разбирался в технике, но Великая война¹⁰ изменила все. Доктор Картрайт говорил, что это лето станет пробным камнем для нее как для конюха, но в пятнадцать лет Пудинг точно знала, чего хочет. Она собиралась достичь совершенства, сделаться незаменимой для семьи Хадли и остаться в Слотерфорде со своими родными. В течение минуты или двух девушка размышляла, за кого можно выйти замуж здесь, в Слотерфорде, но зажим на одной из ее подтяжек растянулся, когда она наклонилась, чтобы осмотреть копыто Робина, и Пудинг покраснела, хотя никто этого не видел, после чего напредила себе, что брак является наименьшей из ее проблем. Затем она услышала из дома шаги и голоса. Она вновь застегнула зажим и так тщательно, как только могла, счистила конские волосы со своих рукавов.

⁷ *Гунтер* – верховая лошадь, тренированная для охоты.

⁸ *Коб* – порода коренастых верховых лошадей.

⁹ *Данди* – также название города в Шотландии.

¹⁰ *Великая война* – Первая мировая война (1914–1918).

Усадебная ферма находилась на самом севере Слотерфорда, на дороге, круто уходящей вниз к Форду¹¹, следующей деревне вниз по течению Байбрука. С фермы открывался потрясающий вид на широкую всхолмленную долину, невероятно зеленую летом, с церковью на одной стороне, с фабриками у воды на другой и деревенскими домиками между ними. Долина была слишком неровной для посевов. Ее покрывали леса и пастбища. На дальних полях также было полно овец и коров. Берега реки к югу от Слотерфорда поросли деревьями, настолько густыми, что вода была видна только возле моста, где встречались три дороги – Джермайнская, являвшаяся продолжением Хэмской, ведущей на восток, к Биддстону¹², еще одна дорога, идущая на север, к Форду, и третья, идущая на запад, к Тиквуду¹³. Все дороги были узкими и посыпанными известняковой крошкой, так что любой экипаж, проезжавший по ним, поднимал облака белой пыли. Погода стояла жаркая и солнечная, однако ночью прошел дождь, отчего ворота выгонов и поилки утопали в перемешанной копытами густой грязи. Воздух был слегка влажным, быстро бежал Байбрук, повсюду вились слепни и мошकारа. На фоне всего этого великолепия Нэнси и Ирен Хадли шли от дома через двор. На миг Пудинг пришла в голову глупая мысль, будто она должна встать по стойке смирно, и девушка начисто забыла, что собиралась сказать. Неожиданно, как только женщины поравнялись с Робинсом, тот довольно громко выпустил газы, и Пудинг не смогла удержаться от смеха.

Ирен Хадли отшатнулась и, наблюдая за Робинсом, встала на безопасном расстоянии, словно ожидая, что тот яростно бросится на нее, обнажив зубы. Данное обстоятельство дало Пудинг возможность получше всмотреться в нее. Это была дама среднего роста, тонкая как пруттик, наделенная своеобразным эльфийским изяществом, которое восхищало Пудинг. Темные волосы были подстрижены на уровне ушей, глаза, тоже темные, словно обведенные синевой, резко выделялись на бледном лице. Лицо было таким неподвижным, таким скованным, что Пудинг не могла представить его смеющимся. Выражение глаз было непроницаемым и наводило на мысль о китайской кукле. На ней был безупречный костюм всадницы – белые бриджи, твидовый жакет и широкий шарф, – так что Пудинг в панике принялась ломать голову, припоминая, получала ли она указание оседлать и взнуздать Робина для верховой езды.

– Что ж, это было очаровательное приветствие, – произнесла Нэнси, делая шаг вперед.

На ней были обычная рубашка и слаксы¹⁴, аккуратные, но уже немного выцветшие. На ногах – старые, потертые сапоги. Волосы покрывал шелковый шарф, завязанный под подбородком.

– Это все летняя трава, сырая после дождя, мисс Хадли, – выпалила Пудинг.

– Ничего страшного. Я хорошо знаю об этом, – успокоила ее Нэнси, звонко шлепнула Робина по шее и окинула его взглядом знатока. – Довольно милое создание. Не слишком большой. Пожалуй, чересчур упитанный, возьми это на заметку, – сказала она, бросая на девушку строгий взгляд. – Что скажете, Ирен?

– Ну, – глухим голосом произнесла, слегка вздрогнув, Ирен и сжала руки в кулаки, – кажется, он великолепен.

Последовала пауза, во время которой Нэнси одарила Ирен язвительной улыбкой, которую Пудинг хорошо знала, а потому шагнула вперед и протянула руку.

– Очень рада познакомиться с вами, миссис Хадли. Мистер Хадли говорил, раньше вы не часто ездили верхом, но я хорошо знаю Робина и гарантирую, что он смирен, как ягненок. В понедельник он даже не испугался, когда по дороге мимо нас проехал автобус, а все знают,

¹¹ *Форд* – небольшая деревня, расположенная на северо-западе графства Уилтшир, в четырех милях к западу от Чиппенхема.

¹² *Биддстон* – деревня в графстве Уилтшир, примерно в трех милях к западу от Чиппенхема и в двух милях к северу от города Коршам.

¹³ *Тиквуд* – деревня в графстве Уилтшир вблизи Чиппенхема.

¹⁴ *Слаксы* – разновидность брюк со штанинами, расширенными в бедрах и суженными внизу.

сколько шума он поднимает и сколько дыма остается после него. Вы будете в совершенной безопасности, это я вам обещаю.

Она пожала руку Ирен – возможно, слишком энергично – и отметила нервозность молодой хозяйки, хотя глаза Ирен были стеклянными и пустыми, напоминая чернильные пятна. На мгновение Пудинг была озадачена и испытала душевную боль оттого, что очаровательный, солнечный мистер Хадли женился на столь холодном существе. Но потом ей стало ясно, что Ирен просто выглядит усталой. Совершенно истощенной.

– Ну, – сказала Ирен и сделала паузу, чтобы прочистить горло, – на самом деле я никогда даже не сидела на лошади. Не понимала, какой в этом смысл, когда у меня есть собственные ноги.

– Да, и машина, чтобы возить вас повсюду, – съязвила Нэнси. – Погодите, наступит зима, и от всего, что при колесах, здесь будет не много проку.

– О, верховая езда такое веселое занятие! И такая замечательная возможность увидеть мир, – добавила Пудинг.

– Мир? – отозвалась эхом Ирен, и в ее голосе прозвучала горькая нотка.

– Да. Ну... во всяком случае, здешние места, – поправила себя Пудинг. – Хотите, я оседлаю для вас Робина? Если пожелаете, могу повести его шагом на поводу, как обычно возят неопытных наездников. Чтобы вы почувствовали, каково это – сидеть на лошади. Вы просто проедетесь по загону.

– Сейчас? – спросила Ирен в тревоге.

– Да, почему бы вам не запрыгнуть в седло? Это единственный способ узнать, нравится вам верховая езда или нет. Алистер будет в восторге оттого, что вы решили попробовать! – оживленно воскликнула Нэнси, и на лице у Ирен появилось испуганное выражение.

– Я просто подумала... поскольку вы одеты для верховой езды... – промямлила Пудинг. На щеках Ирен Хадли выступили красные пятна. Она выглядела так, словно у нее не было другого желания, как, поджав хвост, убежать со двора. – Но в этом нет необходимости, конечно, – закончила девушка.

– Чушь. Сейчас самый подходящий момент. Куйте железо, пока горячо. Как вы собираетесь охотиться вместе с Алистером, если даже не хотите попробовать?

– Я просто... не думала... – пролепетала Ирен, находясь на грани истерики.

Нэнси смерила ее убийственным взглядом, явно не собираясь ей помогать, так что Пудинг вновь пришла ей на выручку.

– Что ж, в таком случае, хотите, я немного проеду на нем в загоне, чтобы вы могли увидеть его в движении?

Ирен вздохнула с облегчением, а Нэнси, усмехнувшись, направилась к Проказнице, чтобы угостить припасенной в кармане морковкой.

Пудинг проехала на Робине, делая круги, петли и восьмерки, шагом, рысью и легким галопом. Она даже заставила его сделать несколько невысоких прыжков. Девушка была настолько поглощена собой и так сконцентрировалась на показе лучших сторон своего любимца, что даже не заметила, как Нэнси и Ирен в какой момент перестали смотреть на нее и удалились. Нэнси пошла через поле на церковное кладбище, к могиле брата, а Ирен, по-видимому, вернулась в дом. Тяжело дыша, вспотевшая Пудинг повела Робина на поводу обратно во двор. Робин тоже пыхтел, и Пудинг забеспокоилась: а вдруг он, когда подрастет, станет слишком толстым для того, чтобы на нем ездить? Следующий час она провела, вычесывая скребницей¹⁵ остатки зимней шубы Хохолка и поднимая при этом целые облака грязных серых волос – настоящая находка для ласточек, которые смогут выстилать ими свои гнезда. Девушка старалась не поддаваться разочарованию, возникшему после первой встречи с Ирен Хадли. Ей

¹⁵ *Скребища* – железная щетка для чистки лошадей.

давно хотелось, чтобы рядом появился кто-то более или менее близкий по возрасту, с кем она могла бы совершать конные прогулки. Пусть даже таким человеком окажется настоящая дама, и к тому же из Лондона. Ну а если не ездить с ней верхом, то, по крайней мере, можно будет послушать ее рассказы о вечеринках, балах, богемных салонах и джазовых танцах, из которых, по мнению Пудинг, и состояла столичная жизнь. Но Ирен Хадли, хотя и вышла замуж за лучшего жениха на пятьдесят миль вокруг, выглядела так, будто готова была оказаться где угодно, только не на Усадебной ферме. Она напоминала китайскую куклу, мечтающую вернуться в свою коробку.

В час дня Пудинг зашла за Донни, чтобы пойти с ним домой на обед. Ее брат тоже работал на Усадебной ферме, помогая главному садовнику Джеремайе Уэлчу, которого все звали попросту Джем. Он был садовником на Усадебной ферме в течение сорока лет. Его загорелое тело, казалось, состояло из одних только костей и сухожилий, крепких, словно корни деревьев, и таких же коричневых. А еще Джем держал хорьков. Обычно один из них прятался где-то на нем, и если хорек почему-то отсутствовал, то специфический запах продолжал исходить от его хозяина.

– Привет, Джем, как ты? – крикнула ему Пудинг и помахала рукой.

– Эй, красотка, – ответил Джем, медлительно растягивая слова, как это делают в Уилтшире. – Твой Дон вон там, рыхлит землю под розами.

– Спасибо!

Розарий находился за высокими кирпичными стенами, защищавшими его от холодных ветров. Запах роз был такой же яркий, как их безумная цветовая гамма. Донни мотыжил почву в дальнем углу, закатав рукава рубашки и надев поверх нее коричневый фартук. Пудинг всегда удивляла ширина его плеч, бедер и талии, которые говорили о силе. Настоящей мужской силе. Она все еще отчасти ожидала увидеть долговязого паренька, каким он был, когда отправился записываться в армию. Он был достаточно высок, чтобы брату поверили, будто ему восемнадцать, хотя к тому времени ему исполнилось всего шестнадцать. Пудинг помнила, как восхищалась им в тот день, и теперь не могла думать об этом без жгучего сожаления. Она понятия не имела, что значит идти на войну. Донни вспотел, и хотя его мотыга была готова к работе, он стоял неподвижно, как столб. Иногда это с ним случалось – он впадал в оцепенение, пока кто-нибудь не приходил и не выводил его из этого состояния. Пудинг убедилась, что попала в поле зрения брата, прежде чем дотронуться до него, потянув за рукав, но он все равно вздрогнул.

– Это я, Донни, – сказала она, и он улыбнулся, протягивая руку, чтобы ущипнуть ее за подбородок. Солнце оттеняло шрам на его голове – Пудинг старалась на него не смотреть. Плоское углубление размером с ладонь, окруженное бугристой рубцовой тканью, находилось на правой стороне головы, в основном под волосами, но и на лбу тоже. – Время обедать, – проговорила Пудинг.

Донни расправил плечи и прижал мотыгу к боку.

– Ты права, – согласился он.

– Похоже, ты хорошо потрудился этим утром.

Пудинг оглядела опрятные клумбы и свежую, без сорняков, почву там, где Донни поработал между кустами. Затем она посмотрела на ближайшие к ним розы и вскрикнула от неожиданности.

Два розовых куста у ног Донни были порублены. Крупные, два с половиной фута высотой, один белый, другой бледно-желтый. Они особенно нравились Нэнси Хадли. Этими розами она украшала могилу брата. Теперь их лепестки, листья и зеленые стебли были посечены мотыгой на мелкие кусочки. Пудинг поддела носком это печальное конфетти.

– О Донни, что здесь произошло? – тихо произнесла она, лихорадочно пытаясь придумать способ скрыть ущерб. Конечно, это было невозможно. Она почувствовала дрожь, пронзившую брата, и испуганно взглянула на него. – Все в порядке, – пробормотала она, но это было не так.

Глаза Донни затуманились яростью, гневом на самого себя, который был тем более страшным и разрушительным, что с ним никогда не удавалось справиться. Причина крылась в его собственной непостижимой никчемности. Губы у него шевелились, кожа покраснела, и он весь затрясся. Костяшки пальцев, держащих рукоятку мотыги, побелели от напряжения, и Пудинг с трудом справилась с желанием отойти на безопасное расстояние. Донни никогда бы не навредил ей. Она знала, что это противоречит его природе. Но после того как Донни вернулся с войны, он порой становился неузнаваемым, словно заблудившись где-то внутри себя. Пудинг подошла ближе, чтобы он как следует мог ее видеть, и погладила брата по плечу.

– Что ж, Донни, они ведь снова вырастут, правда? – проговорила она.

Девушка ощутила в нем напряжение, похожее на передающиеся по земле вибрации, возникающие в главном цеху фабрики. Нечто похожее Пудинг чувствовала, когда лошадь собирается понести, – дрожь накопившейся энергии, которая должна вот-вот прорваться наружу.

– Что бы ты хотел на обед? – спросила она, решив не проявлять ни малейшего беспокойства.

Она продолжала с ним говорить. Через некоторое время его дыхание замедлилось, напряжение прошло, и он прикрыл грязной рукой зажмуренные глаза, ресницы которых были влажными от слез.

– Пойдем же, или мы опоздаем к обеду, – сказала она, и он позволил себя увести.

Она перетолкует об этом с Джемом и Алистером Хадли после обеда, когда будет уверена, что Донни успокоился. Джем пожует губу и молча уберет остатки растений. Мистер Хадли улыбнется грустной сочувствующей улыбкой, как бывало всегда в подобных случаях, и проговорит нечто вроде: «Ну, теперь нет смысла жалеть о том, что уже случилось», а Пудинг приложит все силы, чтобы не расплакаться. Даже Нэнси Хадли становилась сердечной, когда дело касалось Донни, хотя Пудинг давно подозревала, что тетка Алистера, несмотря на всю свою внешнюю колючесть, куда добрей, чем показывает. Пудинг однажды видела, как та свернула шею утке, которую перед тем покалечила лиса, – у нее были большие кровавые раны на груди, один глаз вытек, а поврежденное крыло волочилось по земле. Нэнси быстро с ней покончила и бросила на предназначенную для сожжения кучу отходов, после чего, вытирая руки тряпкой, произнесла: «Эту утку не имело смысла выхаживать». Но Пудинг видела, как заблестели глаза старой женщины, и подметила грустный изгиб ее губ.

Они спустились в деревню, перешли через мост у тряпичной фабрики и стали подниматься вверх по крутой тропинке, которая вела к их дому. Она шла через поле, которое жители деревни называли Кровавым лугом, поскольку местная легенда гласила, что король Альфред¹⁶ много веков назад победил здесь датчан в ожесточенной битве, после которой река покраснела от крови павших воинов. Считалось, что название «Слотерфорд»¹⁷ происходит именно от той бойни. Еще до войны, когда Пудинг была маленькой, Донни рассказывал ей эту историю снова и снова, бесчисленное количество раз перечисляя придуманные им подробности, касающиеся битвы, удар за ударом, сопровождая их звуковыми эффектами и взмахами меча, сделанного из ветки орешника. Ей нравились эти отголоски давних времен. В рассказах о тэнах¹⁸ и их сокровищах присутствовала чарующая магия. Пудинг так и подмывало попросить Донни повторить эту историю или пересказать ее брату самой, чтобы вернуть прежнее время. Но сражения уже не были такими манящими, и теперь героическая смерть означала нечто иное: страх и боль близких, исковерканные жизни. Из Слотерфорда, в котором всего-то жил семьдесят один

¹⁶ *Альфред Великий* (ок. 849–901) – король Уэссекса, который вел тяжелые войны с датчанами.

¹⁷ Название деревни Слотерфорд складывается из слов «слотер» (*англ. slaughter*) – бойня и «форд» (*англ. ford*) – брод.

¹⁸ *Тэны* – военно-служилая знать в поздний англосаксонский период истории Британии (VIII – середина XI в.). Верхушку тэнов составляли королевские тэны – лица, находящиеся на службе у короля при дворе или в качестве представителей в регионах (в том числе и шерифы графств). Они служили связующим звеном между королем и его подданными и выполняли поручения монарха. Король, в свою очередь, обеспечивал поддержание высокого статуса тэнов и наделял их землями.

человек, ушло на войну слишком много других парней, включая двух Таннеров, одного Мэтлока, двух Смитов и троих Хэнкоков. Вернулся один Донни. Конечно, Алистер Хадли тоже вернулся, но он не был молодым пареньком или Томми¹⁹. Вместо рассказа о битве с датчанами, когда они, запыхавшись, забрались уже высоко, Пудинг поведала брату об Ирен Хадли и о том, что та не захотела сесть на лошадь. У Пудинг не было уверенности, что Донни слушает ее, пока тот, нахмурившись, не остановился и не сказал:

– Ты никогда не могла понять человека, не желающего ездить верхом, Пуд.

Он говорил медленно, словно собираясь с мыслями, и Пудинг улыбнулась:

– Именно так, Донни. Никогда не могла.

Коттедж Родник был назван в честь находящегося прямо перед ним источника, пробиравшегося из-под земли. Его струи, просачиваясь через ядовито-зеленую тину, наполняли каменное корыто, из которого питьевая вода текла вниз по трубам, снабжая весь Слотерфорд. Построенный в георгианском стиле²⁰ дом, квадратный и симметричный, был не особенно велик, но импозантен, с его створчатыми окнами и большим латунным молотком на входной двери. Внутри все было как всегда, что не могло не вызвать у Пудинг чувства удовлетворения. Луиза сварила суп из собранного в саду гороха и с долей раздражения в голосе важно представила им перечень дел, которые они с Рут, их приходящей служанкой, успели сделать тем утром. И действительно: в уборной висела новая бумага и был посыпан розовый дезинфицирующий порошок, все кровати были перестелены, а из собранной черной смородины сварили желе. Доктор Картрайт, как всегда, припозднился и с шумом ввалился в кухню, сыпля градом извинений. Он приехал на велосипеде из Биддстона, где арендовал комнату в доме директора школы, ибо их коттедж стоял на слишком крутом холме, чтобы принимать там больных. Пудинг тайком проверила, нет ли у матери признаков сбоя. Именно так они с отцом называли то, что происходило с Луизой. *Сбой*. Это было совсем не то слово, но никто из них не решался от него отказаться. К счастью, сегодня мать выглядела здоровой, разве только слегка притомившейся. Ее светлые волосы поблекли, в них сквозила седина, вокруг глаз и рта залегли морщины, более глубокие, чем следовало иметь женщине сорока восьми лет, но большинство из них появилось тем утром, когда Донни ушел на войну, семь лет назад. Ее лицо не казалось красивым, но было круглым и привлекательным. Она была уютной, полненькой и идеально подходила для объятий. Первые признаки сбоя стали проявляться в том, что Луиза начинала с хмурым видом осматривать комнату, как будто не могла вспомнить, зачем в нее вошла или – что было еще хуже – где находится. Пудинг теперь всегда за ней внимательно наблюдала. Она больше не хотела оказаться застигнутой врасплох, как в тот раз, когда, спустившись к завтраку, застала мать стоящей у плиты, на которой дымилась кастрюлька с лежащим на дне яйцом, без воды. Луиза повернулась к ней и с вежливой улыбкой сказала: «Простите, юная мисс, может, вы мне поможете? Боюсь, я пришла не по тому адресу».

Кухонный стол входил в число самых ранних детских воспоминаний Пудинг. Вот она выколупывает ногтем из его щелей древние крошки, когда ей лень учить алфавит. Вот у нее заклинивает ящик, в котором хранятся столовые приборы. Доски слегка липкие, от этого невозможно избавиться, сколько их ни надраивай.

В доме была столовая с гораздо более симпатичным полированным столом, но им пользовались все реже и реже. Кухонный стол был из того же разряда, что эмалированные кастрюльки, висевшие на крючках над плитой, желтый фартук матери и коричневый заварочный чайник со склеенной крышкой. Для девушки это были своего рода якоря, вещи, на которые можно положиться. Рут, которая отказывалась описывать свой возраст иначе как «средних лет», села

¹⁹ *Томми* (Томми Аткинс) – прозвище простых солдат вооруженных сил Великобритании. Несмотря на то что слово широко использовалось в XIX в., его особенно часто применяют по отношению к солдатам Первой мировой войны.

²⁰ *Георгианский стиль* – этот термин бытует как самое общее обозначение английской архитектуры XVIII в.

с ними обедать и представила доктору обычный отчет о недугах своей многочисленной семьи. Отец не поскупился на советы и дал их как можно более обстоятельно.

– А угри моей Терезы никак не проходят, – пожаловалась Рут, когда они принялись за гороховый суп. – У бедняжки лицо словно кусок червивого мяса. Ну как ей найти мужа, когда она так выглядит?

При этих словах служанка посмотрела на доктора с таким видом, словно он мог что-то сделать и помочь ее дочери, но поленился. Луиза отложила ложку в знак протеста. Донни причмокнул с безразличным видом. Доктор любезно кивнул.

– Девочка с таким жизнерадостным характером, как Тереза, переживет это без проблем, Рут. Эти прыщи зачастую сами проходят с возрастом. Но она не должна их выдавливать, чтобы не повреждать кожу.

– Хилариус в прошлом месяце вылечил Хохолка, которого укусил овод, при помощи настойки гамамелиса и золы, – проговорила Пудинг. – Эффект был замечательный. Нарыв был величиной с грецкий орех, а прошел за три дня.

– О боже мой, Пудинг, только не за столом! – воскликнула Луиза.

– Прости, мама.

– Так ты говоришь, гамамелис? – отозвалась Рут.

Пудинг колебалась, стоит ли заводить разговор о кустах роз. В последний раз, когда произошло нечто подобное, Донни было совсем плохо. Его фрустрация, казалось, накапливалась постепенно, как будто ежедневная борьба за то, чтобы оставаться самим собой, изматывала и угнетала его, пока не наступал предел терпению. Инцидент произошел у «Белого сердца» в Форде в прошлом году. На темных каменных плитах остались липкие пятна крови, и был выбит зуб. Из Чиппенхема вызывали сержанта полиции, когда Пит Демпси, местный констебль, не смог один справиться с Донни. Но вины брата в этом не было – он вполне заслуживал прощения. Дело в том, что в тот день он видел Аойфу Мур. Черноволосую и зеленоглазую Аойфу с ямочкой на подбородке. Они собирались пожениться, были влюблены друг в дружку с двенадцати лет и обручились незадолго перед тем, как Донни ушел на войну. Но когда он вернулся, она провела с ним десять минут, увидела кратер на его черепе, понаблюдала, как он изо всех сил пытался нормально говорить и есть, и убежала в слезах. Уже через месяц девушка обручилась с сыном местного почтальона, мускулистым и крепким. Потом Донни оказался свидетелем того, как она покупала конфеты-драже для младшей сестры – пять штук за фартинг – у вдовы, торгующей сладостями через выходящее на улицу окно дома в Форде. Аойфа изо всех сил пыталась дотянуться до специально проделанной в нем форточки, что при позднем сроке беременности было непросто. А потом мужчина, за которого она вышла замуж, гулявший в пабе со своими друзьями, сам его спровоцировал. Пудинг при этом не присутствовала, но не сомневалась, что дело *непременно* обстояло именно так. А кусты роз были всего лишь оплошностью. Просто он задумался. Его руки все еще работали мотыгой, когда мысли и взгляд унеслись куда-то далеко. И Пудинг решила промолчать.

Вечером, когда она пошла наверх спать, отец остановил ее.

– Сегодня у тебя был хороший день, Пудинг? – тихо спросил он.

Наверху Луиза укладывала Донни спать. В некотором смысле он стал большим ребенком, и ему приходилось напоминать о вещах, которые люди делают перед сном. «Почисти зубы, Донни. А теперь надень пижаму». От их шагов половицы скрипели. Пудинг не хотелось думать, что произойдет, если мать когда-нибудь не узнает Донни или забудет, что с ним случилось. Мысль о смятении, которое ждет их обоих, если они столкнутся и напугают друг друга, вызывала страх. Доктор Картрайт был добрым маленьким человеком – более низкорослым, чем его сын и дочь, – с благообразным лицом и седыми усами. За круглыми очками виднелись грустные глаза. Когда Донни убежал из дома, чтобы записаться в солдаты, он вошел в свой биддстонский кабинет, заперся в нем и до конца дня никого туда не впускал. Вернувшись наконец домой, он

крепко обнял дочь, посмотрел на нее покрасневшими глазами и произнес сдавленным голосом: «Мальчик никогда меня не простит, если я отправлю телеграмму и в ней сообщу его настоящий возраст». И Пудинг, все еще испытывающая благоговение перед братом, ответила: «Он собирается стать героем, папа». Сказанные ими слова до сих пор звучали в ее ушах. Она была уверена, что и отец их не забыл. Надежду в его голосе, когда он спросил о прошедшем дне, девушке было больно слышать.

– Да, папа, – отозвалась она. – Все хорошо.

По ночам Пудинг любила читать. У нее все еще имелись книжки с рассказами про лошадей, для этих книг она стала чересчур взрослой, однако они были такими уютными – листать их было все равно как забраться зимой под одеяло и найти место, где совсем недавно лежала большая глиняная бутылка с горячей водой. А еще она пристрастилась покупать двухпенсовые выпуски любовных историй и мрачных рассказов о действительно имевших место преступлениях. Рут иногда снабжала ее замусоленными номерами «Уэлдонз ледиз джорнал»²¹ и «Вумэнз уикли»²², с которыми Пудинг также знакомилась.

– Прочтите, раз ваша мать не в состоянии вас учить, – проговорила служанка, вручая ей женский журнал в первый раз, а затем поджала губы и покраснела.

Пудинг нравилось узнавать об одежде, чулках и помаде, а также о вязании и о том, как ухаживать за кожей, чтобы у нее был цветущий вид (хотя ее кожа была идеальной), но в то же время она чувствовала, что прочитанное не является для нее жизненно важным. Это было интересно, но не больше, чем любовные романы или рассказы про убийства, потому что, наравне с ними, не имело никакого отношения к реальной жизни. Тем не менее год назад она подстриглась, подражая красоте с обложки одного из журналов, чем сильно расстроила мать. Увы, ее волосы никак не желали красиво ложиться по прямой, напоминающей острие бритвы, линии, как у Ирен Хадли. У Пудинг они были густыми и пушистыми, а потому торчали в разные стороны, отчего голова казалась еще шире. Огорченная результатом, девушка позволила им снова отрасти и либо придавливала их сеткой для волос, либо зачесывала назад и прижимала с помощью заколок, либо они принимали форму шляпки для верховой езды.

Той ночью она взяла в руки книжку «Ужасающие убийства – история самых темных злодеяний в Уилтшире». Ее она нашла в лавке старьевщика в Маршфилде²³. Сборник содержал пятнадцать рассказов о страшных преступлениях, которые были совершены в графстве на протяжении долгого времени, причем два из них в самом Слотерфорде. Читать их было особенно интересно, хотя эти истории и произошли много лет назад. Они были озаглавлены «Девушка с фабрики» и «Дитя под снегом». В первом сообщалось об убийстве местной жительницы, а во втором описывалась горькая участь членов семьи жестянщика («эти люди были красивы, как экзотические животные, и, так же как те, лишены всяческих понятий о морали», говорилось в книжке), которые погибли от холода одной печальной зимней ночью, когда им отказали в убежище все остальные обитатели деревни. Выжил только маленький мальчик, наполовину погребенный под снегом. Его нашли лежащим между мертвыми родителями, которые до самого конца пытались согреть его с сестрой своими телами. Пудинг даже представить не могла себе этого без дрожи и благодарила Бога за то, что спит в теплой кровати. Но той ночью ей никак было не сосредоточиться на прочитанном. Однако она все равно добралась до конца рассказа, а затем опустила книгу и на мгновение задумалась о том, насколько иной стала бы ее жизнь, если бы она была стройной, красивой и вышла бы замуж за Алистера Хадли.

²¹ «Уэлдонз ледиз джорнал» – журнал, выходивший с 1875 г.; был первым журналом, специально предназначенным для широкого круга читателей.

²² «Вумэнз уикли» – еженедельный женский британский журнал; выходит с 1911 г. и издается до сих пор.

²³ Маршфилд – небольшой городок в графстве Уилтшир, недалеко от Бата.

Когда она была маленькой, мать делала ногтем отметку на свече, стоящей на прикроватном столике, и как только пламя доходило до нее, Пудинг знала, что пришло время задуть свечу и заснуть. Теперь от нее самой зависело, когда закрутить вентиль на газовой лампе и погасить огонь, и девушка обычно засыпала в доме последней. Ей это нравилось. Отец так усердно трудился, и его жизнь была настолько насыщена тревогами, что он вконец изматывался за день. А Донни и мать требовали неусыпного наблюдения, вот она за ними и присматривала. Иногда, в ветреные ночи, ей хотелось плакать. Но Пудинг убеждала себя, что это глупо и реветь на самом деле не из-за чего. У нее имелись и дом, и родители, не то что у мальчугана из рассказа «Дитя под снегом». Таннерам и Смитам, чьи сыновья и братья не вернулись с войны, приходилось намного хуже. А каково Мэйзи Купер, чью мать лягнула в голову лошадь, ужаленная пчелой? Бедняжка с тех самых пор лежит без сознания. Мэйзи уже должна была вернуться из колледжа на каникулы, но так и не зашла повидаться с Пудинг. Конечно, у Пудинг было гораздо меньше свободного времени теперь, когда она работала, и девушка понимала, почему некоторые из бывлых друзей держатся от нее подальше. Не все они знали, как говорить с Донни или Луизой, и это заставляло их нервничать. Но Пудинг казалось, что Мэйзи не такая, как остальные, и не станет обращать особого внимания на странности ее домочадцев. Пудинг старалась не плакать, ведь это был только ветер, заунывные причитания которого заставляли ее ощущать жуткое одиночество.

* * *

В круге света, который отбрасывала бронзовая лампа на столе, рука Ирен повисла над листом бумаги, словно сведенная судорогой. Она слишком сильно сжимала ручку, как будто хотела выжать из нее требуемые слова. «Дорогой Фин, – вывела она. – Не думаю, что протяну здесь долго без весточки от тебя. Я жду хотя бы слова. Хоть одного чертова слова». После этого Ирен остановилась. Она собиралась писать более легким тоном. Более дружелюбным, как будто их связывают приятельские отношения. Ирен хотела сдержанно сообщить о постоянном незримом присутствии Нэнси, или о бессмысленности жизни в Слотерфорде – ну где еще вы найдете такое имя, как Пудинг? – или о том, что в здешних местах были в ходу только четыре разных фамилии. Или о том, что когда Алистер рассказывал, как называется место, где он живет, то, как ей показалось, сделал ударение на слове «Усадебная», а не на слове «ферма», тогда как именно последнее было куда ближе к реальности. Но слова не шли. В любом случае они были бы фальшивыми. Ирен закрыла глаза, и перед ней сразу возник его образ. Тихо и рассеянно Фин стоял позади Сирены, которая была кем угодно, только не сиреной. Он был не слишком высок и не слишком красив, но в нем было что-то очень теплое и притягательное. Даже через несколько недель после их первой встречи Ирен чувствовала, что его взгляд и его слова накатывают на нее, словно волны, разбивающиеся о берег, и она не в силах желать никого, кроме него. Сирена повсюду водила его за собой, держа за руку, точно ребенка. Он все время молчал, все время как бы находился в ее тени, отчего в течение первых нескольких недель знакомства с ними Ирен даже не замечала его шотландского акцента и не знала, что Фин является уменьшительным от Финли, имени, которого она раньше никогда не встречала.

Сирена была женщиной совершенно другого склада. Яркая, прямо-таки сверкающая, она источала улыбки и громкий смех. Ирен впервые встретила ее на костюмированном балу, одетую павлином. Блестки и стразы мерцали повсюду, радужные перья колыхались, когда она двигалась, синие и зеленые, бирюзовые и серебряные. С тех пор Ирен всегда видела ее именно такой. Даже когда Сирена была одета в коричневое шерстяное платье, она ослепляла. Потребовалось много времени, чтобы понять: на самом деле это была броня, панцирь, скрывающий сущность. Сирена желала ошеломить Ирен. Впрочем, она сражала наповал всех. Она не столько стремилась подружиться с людьми, сколько считала, что все, кого она встречает, уже

являются ее друзьями. Обычно рано или поздно они таковыми и становились. Сопротивляться Сирене казалось невозможным настолько, что позже, когда Ирен спросила Фина, почему он женился, и тот не смог объяснить, она сразу все поняла. Она ясно помнила, как впервые не смогла ничего съесть в присутствии Сирены. Так же, как не могла этого делать в присутствии матери. Это произошло во вторник, в ресторане на Пикадилли²⁴, во время обеда. Камбала «Вероника»²⁵. Группа из семи или восьми человек, некоторых Ирен знала, а некоторых нет. Фин сидел напротив нее, на дальнем конце стола. Она поймала его взгляд и быстро отвернулась. «У Ирен, знаете ли, возникла тайная страсть, – с улыбкой объявила Сирена, глядя на жертву безжалостным взглядом и привлекая к Ирен всеобщее внимание, хотя не вызывало сомнений, что та чувствует себя ужасно неловко. – Посмотрите на ее румянец, разве это не мило? Пусть она скажет нам, в кого влюблена, или мы догадаемся сами!» Когда подали еду, Ирен не смогла заставить себя прикоснуться к столовым приборам и не съела ни крошки – так же, как это случалось в те времена, когда мать изводила ее своим взглядом.

Она моргнула и сделала глубокий вдох, глядя на скудные, жалкие слова своего письма. Ненависть к себе возникла вновь. Под шипение газовой лампы она вспомнила все, что осталось в Лондоне, – не только Фина или таксомоторы, о которых недавно упомянула Нэнси. Электрическое освещение, например, ватерклозеты. Театр и кино. Музыку, но только без аккордеона, уошборда²⁶ или скрипки. Успокаивающий нервы анонимный поток занятых людей. Легкость, с которой можно купить новую одежду, своего рода защитный камуфляж. Ощущение, что бесконечно разнообразные дела, которыми можно заняться, места, в которых можно побывать, и люди, которых можно увидеть, находятся в пределах легкой досягаемости. В Уилтшире за входной дверью не было ничего, кроме грязи и животных. Единственным самодвижущимся экипажем, который пытался брать крутые подъемы здешних каменистых дорог, был неуклюжий автобус, привозящий утром работников фабрики и увозящий жителей деревни в Чиппенхем и Коршам²⁷. Причем оба места объединяла бросающаяся в глаза нехватка молодых мужчин и пустые глаза тех из них, кому повезло вернуться из окопов. Ирен осторожно вырвала из тетради страницу с коротким письмом и собиралась скомкать ее, но услышала за дверью шаги Алистера. Она быстро засунула лист под промокашку, и когда он вошел, ее руки уже лежали на коленях. Алистер, улынувшись, подошел к жене и поцеловал в щеку.

– Как твои дела, дорогая? – спросил он осторожно. – Ты нас очень напугала.

– Уже лучше, спасибо. Ничего особенного. Просто соус оказался для меня чересчур жирным.

Соус из сливок и хереса с маслом грецкого ореха. Когда он стал обволакивать ее горло, она почувствовала, как из глаз катятся слезы, а в голове начинает туманиться.

– Что ж. Хорошо... – смущенно пробормотал Алистер. – Ирен, я не перестаю думать... Я никак не могу отделаться от мысли, что, если бы ты ела немного больше, возможно, ты бы привыкла...

Он снова замолчал.

– Я просто... не голодна, большую часть времени. Вот и все, – ответила Ирен.

Она попыталась сказать это легко, но слова получились фальшивыми, какими, по существу, и являлись. Пустой желудок бунтовал с утра до ночи, но при мысли о еде горло сжималось. Алистер наклонился к стулу и взял ее за руки. С чувством вины она заметила на них следы чернил. У Алистера были длинные пальцы пианиста и ухоженные ногти. Не то что у

²⁴ *Пикадилли* – одна из самых широких и оживленных улиц в Вестминстере, историческом центре Лондона.

²⁵ Изысканный рецепт этого блюда создан Огюстом Эскофье в 1898 г. в лондонском отеле «Карлтон» в честь популярной комической оперы «Вероника»; свежая камбала сочетается в нем со сливочным соусом, ее вкус оттеняется терпким зеленым виноградом и свежим эстрагоном.

²⁶ *Уошборд* (англ. washboard) – перкуSSIONный инструмент в виде стиральной доски.

²⁷ *Коршам* – исторический рыночный город в западном Уилтшире.

Фина, который имел привычку обкусывать их, когда волновался. Ее муж был бесспорно красив. Высокий и стройный, волосы с золотистым отливом, глаза наполовину зеленые, наполовину карие. И на лице почти всегда играла улыбка. Когда же ее не было, все равно казалось, что он вот-вот улыбнется.

– Но ты такая худая, Ирен, – слегка покачал головой Алистер. – Утром я позвоню доктору Картрайту и попрошу его взглянуть на тебя. Просто на всякий случай.

– В этом нет никакой необходимости. Со мной правда все в порядке, – возразила Ирен.

– Ты меня не обманываешь? Помнишь, ты обещала всегда говорить правду? Это все, о чем я тебя прошу.

Алистер с мольбой взглянул на жену взором, полным любви, но Ирен чувствовала себя недостойной ее. Как могла она сдерживать обещание? Ирен протянула руку и провела по его волосам и лицу, почувствовав на подбородке едва заметный намек на щетину. Алистер закрыл глаза, повернул лицо, словно ловя ее прикосновение, поцеловал ее ладонь, и Ирен застыла, разрываясь между долгом, благодарностью и желанием убежать. Алистер крепко схватил ее за руку и запечатлел поцелуй на внутренней стороне запястья, где под кожей были видны голубоватые вены. Потом он сделал глубокий вдох и закрыл глаза, в то время как Ирен боролась с желанием отдернуть руку.

– Алистер, я... – произнесла она.

Он на мгновение коснулся лицом ее предплечья, а затем встал, отпустив руку жены и улыбаясь напряженной улыбкой.

– Что ж. Я вполне понимаю, что может твориться с тобой при такой погоде, бедняжка, – проговорил он, и ее пронзило чувство облегчения. – Может, тебе стоит выпить немного боврила²⁸, как ты думаешь? Всего одну чашечку?

– Думаю, это как раз то, что мне надо, спасибо.

Она облегченно вздохнула, когда Алистер дошел до двери, но потом он остановился и повернулся. Он посмотрел на чистую бумагу перед ней, на ручку, отложенную в сторону, и на чернила на ее пальцах. Он открыл рот, но слова пришли не сразу.

– Я... я понимаю, как это должно быть трудно для тебя, Ирен. Люди, конечно, любят бросаться обвинениями, но... Лично я думаю, что *он* относился к *тебе* отвратительно. Я не ожидаю, что ты забудешь все сразу. Вовсе нет. – Он сглотнул и посмотрел ей в глаза пронзительным взглядом. – Я только прошу тебя попробовать.

Он закрыл дверь и снова оставил ее одну, в пятне света у стола, в окружении темноты.

Как и всегда, утром Ирен разбудили цоканье копыт лошадей-тяжеловозов, голоса работников и возчиков, перебрасывающихся непонятными добродушными шутками, мычание молочного стада, гогот гусей, напоминавший скрип несмазанных дверных петель, и лай дворовых собак, требующих, чтобы их покормили. Она чувствовала себя в зверинце. После завтрака Ирен пошла в комнату, выделенную ей под кабинет, и помедлила перед дверью. Это было небольшое помещение в северо-восточной части дома, наполовину погруженное в склон холма, на котором стоял дом. Тут было мало естественного света, и покрывающие пол каменные плиты даже летом оставались такими холодными, что казались влажными. Впрочем, возможно, так и было. Стены были окрашены в бледно-розовый цвет. Ни обшивки, ни лепного карниза, ни потолочной розетки²⁹. Самая простая из комнат. Два древних кованых оконных переплета погнуты, занавеси простые, клетчатые. Камин был закрыт деревянным фризом, украшенным изображениями цветов и фруктов. В целом создавалось впечатление, будто этой комнатой

²⁸ Боврил – густой соленый мясной экстракт; изобретен в 1870-х гг. канадцем Джоном Лоусоном Джонстоном во время Наполеоновских войн для французской армии. Вторая волна популярности боврила пришлась на Первую мировую войну. Его рекомендовалось употреблять для поддержания тонуса и укрепления здоровья, при депрессиях и упадке сил.

²⁹ Потолочная розетка – круглое лепное украшение на потолке, к середине которого подвешивается светильник.

никто не пользовался очень долгое время, а потому Ирен сразу ощутила к ней расположение. Во всех других уголках дома ей казалось, будто она пытается отвоевать жизненное пространство у кого-то другого в чужом для нее жилище. То, что *кого-то другого* зовут Нэнси, было понятно без слов.

– Я до сих пор не понимаю, к чему ей потребовалось затевать нечто столь радикальное, – сказала Нэнси, неодобрительно глядя на Верни Бланта, деревенского строителя, и его юного помощника, которые явились со своими лестницами и металлическими ящиками с инструментами. Верни слегка коснулся своей шляпы в знак приветствия, явно ожидая, что она посторонится и уйдет с пути, чтобы он мог занести все, что требовалось для работы, но Нэнси его проигнорировала. – И почему ей вздумалось выбрать именно эту комнату, а не какую-нибудь другую? – продолжила мисс Хадли. – С таким же успехом она могла бы разбить свой лагерь в погребе.

– Я любил эту комнату, когда был мальчиком, – проговорил Алистер, вставая у окна и закладывая руки за спину.

– Нет, не любил. Ты был таким олухом. Тебе нравилось обходить ее стороной. Какой мальчик любит комнату для занятий?

– Ну хорошо, но мне она все равно в некотором роде нравилась. Особенно когда у меня появился мистер Питерс. Он имел обыкновение приносить мне ириски... да ты сама, верно, об этом знаешь.

– Я-то знаю. После урока ими был вымазан у тебя весь подбородок.

– Что ж, Ирен приглянулась эта комната, так что, по моему мнению, она имеет полное право получить ее во владение. Здесь тихо и уютно. Вполне подходит для кабинета.

– Уютно? Ерунда. Твоя жена тут ослепнет от недостатка света. И она передумает, когда наступит зима. Здешний дымоход годится лишь для того, чтобы в нем выл ветер. Как ты думаешь, почему его заделали?

– Я знаю. Но послушай, тетя Нэнси, ей нужна собственная комната, чтобы обустроить ее по своему вкусу. Это немаловажно, когда все остальное в этом доме находится на своих местах на протяжении веков. Она выбрала ее, так что давай больше не будем это обсуждать, ладно? Ее все равно невозможно использовать как-то иначе.

– Но ведь потребуется новая мебель? Новые ткани и все остальное?

– Почему бы нет? Давно пора осовременить по крайней мере один уголок этого старого жилища. Надеюсь, со временем у нее дойдут руки и до других комнат. У нее, знаешь ли, на такие вещи наметанный глаз.

– Ты так думаешь? Ну-ну... – вздохнула Нэнси. – Ты такой же мягкий, Алистер, каким был мой покойный брат.

– Мы можем позволить себе быть мягкими, когда ты за нами присматриваешь, – улыбнулся Алистер.

Прежде чем войти в комнату, Ирен расправила плечи, подняла подбородок и постаралась, чтобы ни на ее лице, ни в ее голосе нельзя было заметить даже намек на стремление оправдаться.

– Я действительно очень благодарна... – сказала она.

– Вот и ты, дорогая, – проговорил Алистер. – Мистер Блант готов выслушать твои указания.

– С добрым утром, миссис Хадли, – неохотно пробурчал Верни, толстый человечек с красным лицом и седыми волосами.

– Здравствуйте, – поприветствовала его Ирен.

Молодой помощник, выглядящий лет на пятнадцать, с любопытством взглянул на нее, и Ирен стало интересно, какие слухи о ней он разнесет по Слотерфорду. У паренька были

темные немытые волосы и узкое, как у хорька, лицо. Его взгляд выдавал, что он начеку, и во всем облике чувствовалось напряжение.

– Ты ведь из семьи Таннеров, не так ли? – обратилась к нему Нэнси.

Парень кивнул.

– Ступай, принеси все остальное, – отрывисто приказал Верни, и его помощник поспешил выйти.

– Серебро в безопасности, мистер Блант? – спросила Нэнси.

Верни Блант расправил грудь, но выглядел немного смущенным.

– Полагаю, да, мисс Хадли. Он хороший мальчик, не такой плохой, как некоторые из них.

И я буду следить за ним, можете на меня положиться.

– Как его зовут? Ной? Авраам? Иона?

– Иосиф, мадам.

– Одна из наших слотерфордских шуточек, – проговорила Нэнси, обращаясь к Ирен. – У нас говорят, что самая безбожная семья во всем графстве должна, по крайней мере, выбирать библейские имена для своего потомства.

– Вот как? Они что, не посещают церковь? – спросила Ирен.

– Отчего же, некоторые ходят. Когда не слишком пьяны, чтобы стоять на ногах, – пожала плечами Нэнси. – Ну а теперь я вас оставляю. Желаю успеха в ваших творческих начинаниях. Мне нужно повидаться с Лейком, прежде чем он начнет устанавливать новые изгороди на верхнем участке.

С этими словами она вышла из комнаты, решительно заснув руки в карманы жакета.

В ее отсутствие Алистер улыбнулся и заключил Ирен в быстрые объятия, прежде чем шаги рабочих снова раздались в коридоре.

– Кто такой Лейк и что это за верхний участок? – спросила Ирен.

– Ты встречалась с Джоном Лейком, помнишь? Это управляющий фермой. Такой огромный парень.

– Ах да, конечно.

Ирен не забыла о высоком росте этого человека и его бычьих плечах, почти закрывающих небо, но не могла вспомнить лица. У нее в памяти осталось басовитое рычание его голоса, но не то, что он говорил. Попав в Уилтшир, она обнаружила, что диалект местных жителей ей почти непонятен, и в первые несколько недель после свадьбы чувствовала себя в деревне чужой. К тому же она боялась встретиться с теми знакомыми Алистера, которым он ее представил, так как сразу забыла их имена.

– А верхний участок – это поле на холме, которое спускается по склону в сторону Биддстона. Там сейчас находятся наши овцы. Хорошее пастбище, каменистое, как и все в здешних краях, но с отличным дренажем.

– Нэнси здесь, похоже, незаменима, да?

– Полагаю, что так. Во всяком случае, она занимается нашим хозяйством очень усердно. Ферма и Слотерфорд – это ее жизнь.

– Ферма, Слотерфорд и ты.

– Да, полагаю, что так. Особенно после того, как умер отец.

– Должно быть, в свое время у нее водились женихи? Я видела ее портрет в ранней молодости. Она была очень красивой.

Портрет висел в кабинете, напротив портрета родителей Алистера – брата и невестки Нэнси. Были и ранние фотографии, размытые и выцветшие, на которых была запечатлена Нэнси с высоко уложенными волосами, длинными и темными, с острыми скулами и безупречной кожей. Глаза ее казались холодными и злыми.

– Были. Но тот, который ей очень нравился, сбежал, и, кажется, на этом вопрос с замужеством был для тети Нэнси закрыт. Это произошло, конечно, еще до моего рождения, и она вся ошетиливается, когда я начинаю расспрашивать.

– Ты меня удивил.

– А не сходить ли нам вместе на фабрику? Тогда я смог бы тебе показать, чем занят весь день.

– Мне постоянно давали понять, что большинство мужчин не хотят, чтобы их жены знали, чем они занимаются весь день, – возразила Ирен.

– Ну, я не такой, как большинство мужчин, а ты не такая, как большинство жен. Теперь это твой дом, так же как он был домом для многих поколений моей семьи. Мое самое заветное желание состоит в том, чтобы ты узнала и полюбила его, как я, и была тут счастлива. Я знаю, тебе потребуется немного времени, чтобы приспособиться, но ты увидишь... Ты здесь проживешь хорошую жизнь.

Он сжал ее руку в своей, и Ирен поняла, как сильно ему хочется, чтобы так оно и было. Она почувствовала себя беспомощным инвалидом, которого приходится учить «приноравливаться» к окружающему миру.

– Хорошо. Я пойду с тобой на фабрику после обеда.

Ирен, конечно, не знала, чего ожидать от фабрики, но не могла и предположить, что та окажется таким большим и сложным производством. Это так не вязалось с остальной частью деревни, спокойной и буколической. С первого взгляда казалось, что в этих краях труд может быть только ручным. Вместо этого здесь все приводилось в действие паром и электричеством, и все это произвело на Ирен ошеломляющее впечатление. Когда Алистер вел ее от здания к зданию, она ловила на себе любопытные взгляды рабочих, но едва они встречались глазами, все тут же возвращалось к работе и выполняли ее с преувеличенным усердием, как будто она являлась каким-то высокопоставленным гостем. Возможно, так оно и было. Ее познакомили с приказчиком, Джорджем Тернером, и с его заместителем, мастером производства. Алистер рассказал ей о процессе изготовления бумаги, когда они вошли в огромный машинный зал, – о том, как макулатуру и старые тряпки размалывают, превращая в мягкую массу, а затем перекачивают насосами на бумагоделательную машину Фурдринье. Этот монстр имел почти сто футов в длину и шесть в ширину. Целлюлоза – так называлась мягкая масса – поступала на сетку, где из нее удалялась вода, затем попадала на войлочную ленту, движущуюся с постоянной скоростью, после чего проходила через ряд огромных, нагретых паром цилиндров, чтобы окончательно высохнуть. Под конец она оказывалась смотанной в огромный рулон готовой бумаги. Ирен часто кивала, чувствуя, как из-за жары блузка на ней становится влажной от пота.

Свет вливался в машинный зал через высокие окна с железными рамами. Пол в нем был мокрым, воздух наполнен шумом, а стены и все остальные поверхности покрывали брызги бумажной массы. Ирен была счастлива, когда они наконец направились в небольшие помещения, где бумагу разрезали и упаковывали, а потом на склад, где женщины, бросавшие на нее пристальные взгляды, зашивали продукцию в мешки и наклеивали этикетки. С потолков свисали простые металлические светильники, а на стенах висели большие табельные часы, пробивающие на карточках время, когда работники начинают смену и заканчивают ее. Это напонило Ирен о часах на вокзале Кингс-Кросс³⁰ и одном из худших дней ее жизни, с которого прошло всего несколько месяцев. Она изо всех сил пыталась слушать и улыбаться. Алистер взял ее руку и сжал.

– Пойдем на улицу, дорогая, – сказал он. – Тебе сейчас не помешает глоток свежего воздуха.

³⁰ *Кингс-Кросс* – железнодорожный вокзал в Кэмдене, в северо-восточной части Лондона.

– Да, – призналась Ирен. – Спасибо, что ты мне все объяснил.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил он, когда они вернулись на залитый солнцем двор и медленно пошли к старому фермерскому дому, в котором размещалась фабричная контора.

– Очень впечатляет. Фабрика... гораздо больше, чем я думала. – Алистер выглядел недовольным этим ответом, поэтому Ирен поспешила добавить еще несколько слов: – Столько машин, такой шум и... пар. По всему видно, это тяжелая работа, для настоящих мужчин. И должно быть, опасная. Я имею в виду, со всем этим нужно управляться очень осторожно.

– На самом деле у мистера Тернера машины работают так же хорошо, как и у самого Фурдринье, как правило. Он незаменим, здесь уже много лет, как и большинство тех, кто находится под его началом. Что же касается опасности, она вовсе не так велика, как ты думаешь. Был лишь один серьезный несчастный случай, еще до моего рождения, но с тех пор прошло много лет.

– И что случилось?

– Это произошло на тряпичной фабрике. Жители деревни привыкли печь яблоки и картошку в углях под котлом. По чистой случайности несколько человек как раз вытаскивали их из-под котла, когда тот взорвался. Такие несчастия очень редки, работник, который присматривал за котлом, был немедленно уволен за то, что не заменил неисправный клапан.

– И много людей пострадало?

– Погибло трое, в том числе маленький мальчик, ему было всего десять лет. По рассказам, его отбросило взрывом на другой берег реки. Страшная трагедия. Могу тебя заверить, что я очень серьезно отношусь к безопасности своих рабочих.

– Как ужасно, – отозвалась Ирен.

– Да, но, кроме этого несчастного случая – и еще одного ограбления, также много лет назад, когда парня из конторы ударили по голове, – у нас больше не было никаких проблем. Ну, что мне еще тебе показать?

– О, я не знаю, – сказала Ирен, пытаясь проявить энтузиазм, которого Алистер, похоже, от нее ждал. – Тебе выбирать.

Пару секунд он смотрел на жену сверху вниз, поскольку был выше ее на целую голову.

– Я знаю, куда мы пойдем, – заявил он. – В мой кабинет, где мы выпьем по чашке чая.

Вернувшись на ферму, Ирен заглянула к Верни и его помощнику; в прежней комнате для занятий царил беспорядок, и она почувствовала себя неловко, словно явилась с проверкой, как идет ремонт, а потому ушла, предоставив им возможность без помех выполнять порученную работу. Стенам предстояло стать ярко-белыми. Камин будет оформлен порталом из полупрозрачного мрамора. Шторы от фирмы «Либерти». Лакированный стол из красного дерева от Эйлин Грей³¹. Золоченый стул от Жана Дюнана³². Бирюзово-серый шелковый персидский ковер, который она унаследовала от бабушки. Черная пишущая машинка «Ундервуд» и стопка дорогой бумаги высшего качества. Подобных вещей в Усадебной ферме еще не видели. Она создаст себе уголок прежней жизни, куда станет удаляться, когда реальность ее нового существования будет невыносимой. Возможно, она снова начнет писать, и это станет ее утешением. Газетная колонка Ирен – по сути, просто светские сплетни, хотя она и пыталась превратить ее в нечто большее, – с отъездом из Лондона, разумеется, прекратила свое существование. Роман, который она начала, – любовная история – остановился на четвертой главе. Когда она пыталась продолжить его, то всякий раз замирала над пустой страницей – с пустой головой и чувством собственной бесполезности. Ирен бродила по комнатам дома, заставляя Флоренс,

³¹ *Эйлин Грей* (1878–1976) – выдающийся британский специалист в области дизайна мебели.

³² *Жан Дюнан* (1877–1942) – швейцарский скульптор и дизайнер интерьеров.

горничную, и Клару Гослинг, экономку, прятаться от нее, чтобы без помех выполнять свою работу. Они были неизменно вежливы, но излучали нетерпение. Основная часть дома была длинной и узкой, с низкими потолками и отслаивающейся штукатуркой. Комнаты следовали одна за другой вдоль коридора. Солнечный свет лился через окна на уютные ковры и мебель, изготовленные в одном из прошлых столетий. Половицы из вяза скрипели под ногами. Воздух, казалось, раздвигался перед ней, а затем снова смыкался, оставаясь таким же неподвижным.

Ирен вошла в кабинет, типично мужскую комнату с темными дубовыми панелями на стенах и кожаными корешками книг, стоящих в шкафах, где на некоторое время задержалась перед портретом родителей Алистера. Алистер был очень похож на отца – в честь которого его называли – и очень мало напоминал мать. Табита Хадли была невысокой серьезной женщиной с близко посаженными глазами и слишком маленьким ртом. На свадебном портрете она была одета в нарочито викторианское платье с обилием оборок, кружев и лент, но все равно выглядела мрачно. Ирен задавалась вопросом, что бы чувствовала Табита Хадли, если бы дожила до того времени, когда ее малыш стал подрастать, и увидела бы, как мало черт он у нее перенял. Сын был совсем на нее не похож. На одной из фотографий, которая была сделана, когда Алистеру было лет семь, он обнимал мохнатого терьера; и уже тогда на его лице проступали черты – правда, еще не совсем оформившиеся, – которые он должен был обрести, окончательно возмужав. Его глаза излучали теплый свет. Алистер-старший, наверное, был весельчаком, подумала она, или у младшего Алистера была добрая няня. Конечно, ни один ребенок, воспитанный только Нэнси, не мог выглядеть таким счастливым.

Из окна, выходящего на южную сторону, она видела, как ветер шевелит длинную траву под яблонями и грушами, растущими в саду. На юго-западе вниз по склону холма спускалась дорога, в конце которой виднелась церковь Святого Николаса, окруженная кладбищем, заросшим лютиками. Еще ниже поднимался дым и пар фабрики, распластавшейся на берегу реки, подобно какому-то огромному животному. Потом она заметила Пудинг Картрайт, девушку-конюха, с усердием подметающую двор. Одежда явно была ей мала, казалось, будто она готова из нее выпрыгнуть. Возможно, из-за ее энтузиазма, энергии либо чего-то еще. В ней чувствовалась страсть, почти граничащая с отчаянием. Вот и теперь она мела двор так, словно за хорошую работу ее ожидало что-то немыслимо приятное. Остановившись, чтобы перевести дух, Пудинг приподняла голову, подставляя лицо солнцу и ветру, после чего закрыла глаза, и Ирен позавидовала ей, представив на ее месте себя. Здесь, в сельской местности, в окружении бесконечных полей, травы, деревьев, воды, земли и животных. Все они были ей чужды, и, если их не удастся полюбить, она навсегда будет заключена в стенах Усадьбы фермы, как в темнице. Раздался стук во входную дверь, и прозвучал голос Нэнси, которая поприветствовала гостью и пригласила выпить чая в малую гостиную, неофициально принадлежащую мисс Хадли. Ирен они с собой не позвали. Она в смущении постояла некоторое время в коридоре под дверью, не зная, следует ли постучать и представиться, но затем услышала, как Нэнси говорила:

– Эта девчонка совершенно бесполезна. Честно говоря, не знаю, о чем думал мой племянник, когда женился на ней. Он всегда был равнодушен к птицам со сломанными крыльями, но, насколько я могу судить, у этой нет даже крыльев.

Ирен почла за лучшее оставить их наедине.

Через некоторое время пришла Флоренс, которой поручили найти Ирен. Войдя, та оперлась на дверную ручку, словно в шестнадцать лет с трудом держалась на ногах. Она делала так всякий раз, хотя Нэнси беспощадно ругала ее за это.

– Прошу прощения, мэм, только Верни Блант просит вас зайти в комнату для занятий, – сказала она. – Говорит, будто он что-то нашел.

У нее был такой акцент, что Ирен с трудом ее поняла.

– Спасибо, Флоренс.

Она вышла из комнаты раньше горничной и почувствовала, как та за ней наблюдает. Они все за ней наблюдают, подумала Ирен. Должно быть, задаются вопросом, как она сюда попала и почему. Она постаралась не слишком нервничать из-за предстоящего разговора с рабочими и уж во всяком случае не показывать своего состояния.

– Что случилось, мистер Блант? – спросила она, войдя в комнату, и сама удивилась тому, как холодно прозвучал ее голос.

Старая мебель была убрана, пол покрывали пыльные простыни, потолок сиял влажной побелкой, а фриз, закрывавший камин, был снят. В камине, на простыне, лежала куча саж, обломки штукатурки и остатки птичьих гнезд. Верни Блант и его помощник стояли с напряженными лицами по обе стороны от этой кучи. У них был испуганный вид.

– Простите, миссис Хадли, но дело вот в этом, – объяснил Верни и указал на мусор, извлеченный из дымохода, так, словно там лежала живая змея.

Сердце у Ирен заколотилось.

– В чем? – не поняла она и посмотрела в направлении, указанном грязным пальцем рабочего.

– В *этом*, миссис! В штуковине для порчи! – воскликнул паренек.

Озадаченная Ирен уставилась на мусор. Потом она ее увидела – почерневшую и растрепанную, такую неуместную среди обломков. Кукла. Как бы раньше она ни выглядела, теперь ее вид внушал отвращение. То, что было лицом, сморщилось и вылиняло, так что его невозможно было рассмотреть, сделанные из проволоки руки и ноги были изогнуты и перекручены. Но это по-прежнему была кукла, причем узнаваемая. На ней были капор и грубое платье из синей ткани, сшитое большими аккуратными стежками и даже украшенное спереди незатейливым узором в виде ромашки. Ирен присела и протянула к ней руку.

– Не *трогай* ее, глупая корова! – воскликнул парень поспешно, и щеки Ирен вспыхнули.

– Иосиф, следи за языком, – одернул его Верни. – Простите, миссис Хадли, но он, может быть, прав насчет того, что ее лучше не трогать.

– Почему? Это просто старая кукла, – возразила Ирен.

– Может, и так, но когда кукол кладут в дымоходы... ну, в здешних местах это может означать колдовство, мэм, – предостерег Верни.

– Колдовство? Вы не шутите?

– Я вполне серьезно, мэм.

Мужчина и юноша продолжали глазеть на куклу, как будто та могла зашевелиться или каким-то образом их сглазить. Ирен решила, что ее разыгрывают. Смеются над ней. Что происходящее превратится в забавную историю, рассказанную в пабе, где ей станут перемывать косточки. Она сглотнула.

– Ну, я не верю в колдовство, так что, наверное, нахожусь в безопасности.

Она потянулась за куклой и взяла ее, игнорируя недовольное шиканье паренька.

– Ну вот теперь начнется, – пробормотал он мрачно.

– Она грязная, миссис Хадли. Вы испортите одежду, – проворчал Верни.

Чувствуя, как сажа остается на пальцах, Ирен осторожно повертела куклу в руках. Та была всего около восьми дюймов в высоту, и на ее маленькой голове – по-видимому, когда-то это был холст, обернутый вокруг клок сена, – все-таки еще можно было различить пятна глаз, носа и рта, застывшего в кривой усмешке. На ощупь тело под платьем было тряпичным. Похоже, кукла была самодельной, сшитой из того, что нашлось под рукой, и при всем желании разглядеть в ней что-то симпатичное Ирен не могла справиться с отвращением, которое та вызывала. Возможно, виной тому были рабочие, слишком пристально наблюдавшие за ней в ожидании того, что произойдет дальше, и Ирен почувствовала себя неудобно. Не отрывая глаз от смазанного лица куклы, она вдруг ощутила, как время изменило свой ход. Как растянулось и стало чересчур долгим мгновение, сопровождаемое тишиной в комнате, которая отда-

валась в ушах тонким звоном маленького колокольчика. Она почувствовала какой-то сдвиг, хотя и не понимала, произошел он внутри нее или нет. Ирен поняла, что миновала точку невозврата, после которой все должно измениться. Томимая беспокойством, она осторожно сомкнула пальцы вокруг этой нелепой куклы, словно защищая ее.

3. Дочь природы

Иногда сестры Клемми обращались с ней дурно. Их было трое. Мэри и Джози старшие, а Лиз моложе на год. Раньше у них был брат, Уолтер, но прошло уже пять лет с тех пор, как он погиб, и они редко о нем говорили. Пустое место за столом, где он когда-то сидел, было достаточным напоминанием о той бреше, которую его смерть оставила в их жизни. Никому из них не нужно было напоминать о том, как бедняга умер. Его разорвало на куски, едва нашлось что похоронить. Комната Уолтера оставалась пустой, хотя девушки вполне могли бы ее занять. Вместо этого они, как голуби, жили на чердаке, где спали на двух огромных старых кроватях. Перепады настроения у сестер Клемми подчинялись устоявшемуся ритму, напоминая приливы и отливы, и, как правило, не совпадали, но иногда дух соперничества прорывался наружу, и они устраивали бунт вместе, поскольку эта немая была самой красивой, самой странной, ее всегда прощали и о ней говорили чаще других. В гонениях на бедняжку участвовала даже Джози, с которой у Клемми имелась особая близость. В какой-то момент все три теряли терпение, объединялись и сообща нападали на свою *особенную* сестру. И сколько времени это продлится, оставалось только гадать.

Когда это произошло в пятницу утром, Клемми сразу поняла, в чем дело. Ее насторожил сердитый взгляд Лиз и мрачная складка между ее темными бровями. Затем Мэри вырвала расческу, когда Клемми к ней потянулась. А потом Джози закатила глаза и проигнорировала сестру, когда та знаками пожелала доброго утра. Каждый раз, когда подобное начиналось, у Клемми замирало сердце, но она знала, что нет иного выбора, кроме как терпеть, и другого выхода, кроме как ждать, когда все вернется в привычное русло. Во время завтрака Мэри положила в чай Клемми соль вместо сахара и с ухмылкой вручила ей чашку. Лиз и Джози отказывались «слышать» любые просьбы передать ту или иную вещь, хотя жесты, показывающие, что нужно Клемми, знала вся семья. Затем Лиз схватила любимого черного котенка сестры с ее коленей и выкинула из кухонного окна, заставив малыша пищать во дворе от страха. Клемми от расстройства хлопнула по столу ладонью, и отец бросил на дочерей неодобрительный взгляд.

– Там сидела муха, да, Клем? – невинно спросила Мэри.

– Эй, девчонки, прекратите, – приказал Уильям Мэтлок.

Это был седой человек с обветренным помятым лицом и густой, тронутой проседью бородой. Его жена Роуз, мать девочек, поднялась с места и медленно проплыла от плиты к столу, неся яичницу и гренки, а также ломтики ветчины и сыра. В бороде Уильяма застряли крошки. Когда-то он был жестким с виду, но в глубине души очень мягким человеком. Клемми помнила, как отец сажал ее на плечи, когда она была совсем маленькой. Но после смерти Уолтера его душа окаменела, и подростки-дочери, похоже, досаждали ему, как мошки, выющиеся вокруг головы.

Кухонный стол был выбелен временем и солнцем и тщательно вычищен; все стены и потолочные балки увешаны всевозможными предметами, необходимыми в хозяйстве, одни из которых были связаны с приготовлением пищи, а другие с работой на ферме, – сита, воронки, мотки проволоки, лезвия кос, ножницы, садовые ножи, рашпили и железные тавра³³. К некоторым вещам, ржавым и древним, давно уже никто не притрагивался, так что они заросли паутиной. В теплую погоду дверь часто оставляли открытой, и малиновка свила гнездо в старой банке с гвоздями, а куры в надежде найти крошки то и дело забредали на кухню, которая выходила окнами на юго-запад и в ранние часы находилась в тени деревьев. К полудню солнечный свет заставлял сиять все, что в ней было. Руки Клемми пахли молоком, навозом и дегтярным мылом – так пахли руки всех девушек после утренней дойки.

³³ Тавро – орудие для клеймения скота.

Сестры загнали ее в угол, когда она собирала яйца в маленьком сарае, где курицы неслись в сене, засоряя его перьями и пометом. Мэри и Джози повалили Клемми на землю и крепко держали. Какое-то время девушка тщетно сопротивлялась, раскрасневшись от возмущения. Она знала, что ничего по-настоящему плохого не случится, но все равно ощущала беспокойство и засевший в памяти страх – год назад, когда Клемми шла в Форд, какой-то мужчина подошел к ней на краю леса, схватил одной рукой за запястья, а другой полез под платье, приговаривая: «Ты ведь хочешь этого, девочка? Скажи, если я ошибаюсь». Она задавалась вопросом, понимают ли сестры, что напоминают его, когда так же стискивают зубы, а их пальцы оставляют синяки на ее руках. Какое-то время девушка пыталась пинаться, но сестры уворачивались от ее ударов, а когда она затихла, Лиз сделала губки бантиком и встала на колени рядом с ней, держа в руке яйцо.

– Если ты не хочешь, чтобы оно попало в твои волосы, тебе стоит только попросить, – процедила она.

Клемми подумала, что придется мыть волосы в ведре и снова пройти через болезненный процесс их расчесывания. Это займет много времени, она не успеет выполнить порученные дела и может получить оплеуху от Уильяма.

– Думаю, она этого хочет, – ухмыльнулась Мэри.

– Ты только скажи, Клем, если нет, – добавила Джози.

– Вероятно, ей надоело быть такой хорошенькой, – поддразнила сестру Мэри.

– Наверно, ей надоело быть такой странной.

– Может быть, ей это нравится. И она хочет быть дочерью природы.

Так называла ее учительница в течение тех немногих лет, когда сестры ходили в школу в Биддстоне. Она любила гладить светлые волосы Клемми и не ругала ее за молчание или отсутствие внимания.

– Если Клем дочь *природы*, то она не может быть нашей сестрой, правда? – сказала Лиз.

Скорлупа с влажным хрустом воткнулась в кожу головы, и Клемми зажмурила глаза, когда в них потекла клейкая жидкость. Из горла у нее вырвался приглушенный звук, который у любого другого человека означал бы «отпустите меня».

– О, дорогая, какая неприятность, – проговорила Лиз, находя в сене порцию свежего куриного помета и добавляя ее к яйцу.

Сделав это, сестры затихли. Какое-то время единственными звуками в сарае было их учащенное дыхание и доносящаяся откуда-то сверху возня потревоженной курицы. Затем они отпустили Клемми и встали, глядя, как она пытается подняться на ноги. Все четверо посмотрели друг на друга, и Клемми почувствовала перемену в их настроении, когда они наблюдали, как она дрожит, и яйцо, перемешанное с пометом, стекает по ее лбу. То был едва заметный переход от бурной озлобленности к робкому стремлению настоять на своем, от которого было недалеко до раскаяния. Джози, как всегда, сломалась первой. Закатив глаза и отведя со своего лба прядь волос мышиного цвета, она протянула руку Клемми:

– Ну пойдем. Я помогу тебе это смыть.

И как всегда, гнев Клемми испарился в одно мгновение. Чувства у нее не задерживались надолго. Они вспыхивали, а потом исчезали, словно их и не было. Следы обиды оставались в памяти, но прощала она без долгих раздумий.

– Знаешь, ты иногда сама напрашиваешься, Клем! – крикнула ей Мэри, все еще злясь, но теперь уже на себя.

Позже они снова станут добры к ней, желая помириться. Мэри заплетет ей волосы, перед тем как Клемми ляжет в кровать, чтобы те не спутались во сне. Джози в темноте поведает Клемми шепотом свои секреты и заставит смеяться. Лиз просто оставит ее в покое.

Одно из первых воспоминаний Клемми было таким. Мать держала ее на коленях перед очагом на ферме Уиверн, глядя на горящее в нем пламя и тихо напевая что-то, а потом сказала, наклонясь к самому уху Клемми, чтобы никто другой не мог услышать:

– Знаешь, ты кричала, когда была совсем маленькой, моя Клем. – Говоря это, Роуз обняла Клемми крепкими руками, сжимая ее сонное тельце. – Сразу после рождения ты орала так, что тебя слышали на фабрике, невзирая на шум их машины. Поэтому я знаю: у тебя есть голос, что бы ни говорили люди. И ты им воспользуешься, когда придет время и ты будешь готова.

Клемми помнила свое желание ответить и чувство облегчения оттого, что ей не пришлось этого делать. Ей тогда было около трех или четырех лет, и ее немота становилась все более очевидной. Она помнила, как пыталась заговорить. Между ее разумом и языком вставала какая-то преграда, не пропускающая слова. Это вызывало в ней сперва нетерпение, затем ярость, а потом панику, обострявшуюся тем сильнее, чем больше она старалась что-нибудь произнести. И со временем эта преграда становилась все толще. Язык прилипал к нёбу, губы немели, и дело заканчивалось тем, что она мычала, словно корова, либо издавала другой звук, лишь отчасти похожий на человеческий, который заставлял ее одноклассников смеяться и вызывал страх в душе Роуз. Клемми прекратила попытки заговорить. В школе она так и не освоила грамоту. Девочка витала в облаках, а учительница не слишком усердно выполняла свою работу. Как бы тщательно Клемми ни выводила прописи, буквы у нее часто разворачивались задом наперед и, составленные в слова, перемешивались и меняли форму. Буква *p* писалась как *q*, *d* или превращалась в *b*. Помимо этого, буквы, словно играя в чехарду, прыгали и отказывались выстраиваться в линейку. Клемми удивляло то, с какой легкостью одноклассники узнавали их знакомые сочетания, тогда как сама она никак не могла ничего разглядеть. Поэтому в двенадцать лет ее отправили домой, сказав, что она слишком глупая, чтобы познавать книжные премудрости, и оставив в ее распоряжении только жесты, помогающие говорить миру, что она думает. Сообщать, что она хочет и чего не хочет. Клемми, однако, не возражала. Хотела она крайне мало, а миру, похоже, ее мысли были не особенно интересны. С пяти лет, когда она прекратила попытки заговорить, и до сей поры, когда ей исполнилось восемнадцать, ее такое положение вещей вполне устраивало. Но теперь у Клемми возникли проблемы.

Когда волосы были вымыты и она выслушала болтовню Джози о Кларенсе Фриппе, ученике каменщика, который ухаживал за ней с пошловатыми нежностями, – подмигивания, смешки и двусмысленные намеки, которыми он перебрасывался с друзьями, предельная скромность и букетики, которые он дарил ей, сопровождая в церковь по воскресеньям, – Клемми закончила порученную ей работу так быстро, как только смогла. Все было сделано как надо: ведро яиц разложено по коробкам для продажи на рынке, белье постирано, сыры перевернуты, сливочное масло, по-летнему желтое, а не бледное, как зимой, разделено на порции и новый его запас на неделю, целых двадцать фунтов, сбит в маслобойке. Оставалось лишь ощипать, выпотрошить и нарубить на куски для готовки старую курицу, переставшую нестись. Единственное, что Клемми не смогла сделать сама, – это свернуть ей шею. Несколько лет назад девушка отважилась на это, но испытала такие душевные страдания, когда невинное существо погибло от ее руки, что разрыдалась и с тех пор отказывалась производить подобные экзекуции. Это произошло еще до того, как погиб Уолтер, а потому отец только взял ее за подбородок и назвал тряпкой. Мэри же толкнула сестру локтем и заявила, что не боится таких вещей.

Всю работу выполнить, конечно, было невозможно. Постоянно оставалось что-то еще. Починка одежды, чистка кастрюль, подметание, уборка. Также было нужно перегнать коров с одного пастбища на другое, полить овощи в огороде и выкопать сорняки. Замесить тесто для хлеба. Отделить творог от сыворотки, разложить по мешочкам и подвесить, чтобы стекла лишняя влага. Поскольку на ферме всегда требовалось что-то делать, Клемми решила попросту улизнуть. Крестьянский труд представлялся девушке полноводной рекой, безостановочно текущей вперед, заполняя все дни, и надеяться, что наступит передышка, было все равно что

ждать, когда не взойдет солнце. Но перерывы были необходимы, иначе пришлось бы бесконечно долго дожидаться таких событий, как летний пикник в воскресной школе, праздник урожая и слотерфордская ярмарка.

Она встала перед рассветом и в полутьме выскользнула из дома, как часто делала и раньше. Руслو Байбрука обозначалось лишь белой дымкой тумана над водой. Клемми перешла реку по горбтому мосту, что был к югу от фермы, и вышла на тропу, ведущую к гребню холма. С его вершины она могла видеть как на ладони всю ферму Уиверн: приземистый дом в три этажа, верхний мансардный, и двор, окруженный с трех сторон каменными амбарами, конюшнями и сараями. С четвертой, южной, к ней примыкало пастбище, усеянное коровами. Позади дома расположились огород и уборная, а дальше шел крутой склон, поднявшись по которому можно было выйти на Уивернскую дорогу. Сестры и мать часто жаловались, что отрезаны от всего мира и деревенские новости доходят до них с опозданием. Они узнавали их в основном в церкви и от обитателей соседней фермы Медовый Ручей. Порой Уильям, вернувшись из паба, развлекал их своими рассказами, но это случалось достаточно редко. Клемми же такое уединение устраивало. Ее вообще не интересовало, что делают другие люди. Ей нравилось, что мимо Уиверна никто не ходит. По крайней мере, здесь не бывало незваных гостей.

Клемми едва не наступила на паренька, припавшего к земле на краю поросшего лесом крутого склона возле Часовни Друзей, стоявшей напротив фабрики. Девушка бродила, разглядывая облака, а он сидел на корточках среди молодых березок с маленьким кроликом в руках – по сути, еще крольчонком, – отчаянно дергавшим задними лапками. У юноши было еще два кролика, связанных и висящих на длинном шпагате, перекинутом через плечо. Один миг – и парень с девушкой замерли, уставившись друг на друга. Клемми узнала в нем одного из Таннеров по васильковым глазам на длинном скуластом лице и приготовилась бежать. То, что Таннеры воры и бандиты, было известно всей округе. Пьяницы, мошенники и убийцы. Их было несметное число, этих проходимцев, связанных родственными отношениями, запутанными, как нитки в мотке пряжи, в которых никто не мог разобраться, кроме самих Таннеров. Часовня стояла недалеко от коттеджа Соломенная Крыша, где жили двенадцать представителей одной из ветвей этого семейства, поэтому Клемми догадалась, что он оттуда. Два года назад один из его дядьев забил жену до смерти из-за того, что повредился в уме от пьянства. Рукоприкладство в их семье было делом обычным, но в тот раз он нанес слишком много ударов, не сумев вовремя остановиться. Всею виной оказался джин, сказал он в суде, но это ничем не помогло защите, а потому его повесили, против чего бедняга, судя по отзывам, не очень-то возражал. А его родственницу повесили за убийство собственного ребенка – она отравила его опиумом, добытым из бледно-розовых маков, трепещущих на вершинах окрестных холмов под напором утреннего ветра. Женщина утверждала, будто хотела, чтобы мальчик уснул и не мешал ей заниматься домашней работой.

Клемми посмотрела на крольчонка. Прижав уши, тот в ужасе брыкался, по капле растрачивая силы в бесполезных усилиях освободиться. У одного из зверьков, висевших на плече паренька, вся морда была испачкана кровью, а на шее виднелась глубокая рана, но малыш попал в ловушку ногой, а потому силок не убил его. Рука парня, державшая добычу за шею, была грязной и тонкой, одни кости да сухожилия, и что-то, связанное с ней, вдруг вызвало у Клемми странное волнение – как будто это она своей рукой собиралась лишить несчастное животное трепетной жизни. Клемми повидала немало смертей живых существ и не переживала из-за этого, если не убивала сама, но сейчас она словно почувствовала под мехом крольчонка бешеное сердцебиение, бездумный ужас. Ее поразила кратковременность его жизни и ненужность смерти – мясник, конечно, не заплатил бы даже шестипенсовик за такого малыша. На нем практически не было мяса. Глаза у Клемми наполнились слезами, а рот приоткрылся от ужаса. Парень слегка нахмурился, не отрывая от нее взгляда, и спустя несколько долгих мгновений опустил кролика на землю и разжал руки. Тот бросился в подлесок, оставив тем-

ную каплю крови на листе лопуха. Затем парень встал, и она увидела по его высокому росту и широким костистым плечам, что на самом деле это уже почти взрослый мужчина.

– Я Илай, – сказал он, и в следующее мгновение, когда девушка обрела способность двигаться и бросилась наутек, она почувствовала, как собственное имя готово сорваться с ее языка.

Я Клемми.

Она обернулась на парня еще раз, прежде чем он скрылся за деревьями, и увидела, что он все еще стоит на прежнем месте, глядя ей вслед.

Это было неделю назад, и с тех пор они не виделись. Но Клемми высматривала нового знакомого, и чем дольше ей не удавалось его найти, тем важнее для нее было встретиться с ним еще раз. Пока она понятия не имела, почему ей это нужно, но слово «почему» никогда не играло в ее жизни большой роли. Она так ясно могла представить его руку, держащую кролика, – исхудавшую, тощую. В некотором смысле ей было интересно, не объясняется ли ее потребность увидеть его опять тем, что он сделал. Она прошла длинный путь по гребню холма, обходя по широкому кругу Байбрук и плотину у главной фабрики, ниже которой река текла очень быстро, вышла к коттеджу Родник, а затем перешла на другой берег по мосту, что был севернее тряпичной фабрики. Эта фабрика была меньше слотерфордской, всего три здания с покатыми крышами и белеными стенами. В них находился большой железный котел, где вываривали старые канаты, веревки и мешки из-под зерна, а также небольшое водяное колесо, приводящее в действие ножи ролов, измельчающих сырье в течение нескольких дней и доводящих его до состояния массы, которой затем предстояло превратиться в коричневую оберточную бумагу. Клемми любила наблюдать, как в ваннах вращаются огромные барабаны, а надзирающий за ними работник приставляет большую палку к приводному валу и прикладывает другой ее конец к своей голове, чтобы определить по силе вибрации, когда масса будет готова.

От тряпичной фабрики она двинулась дальше, к главной, и стала бродить там от здания к зданию, не заходя внутрь и временами подглядывая из укрытия. Пытаясь высмотреть его. У нее екнуло сердце, когда она увидела у большой лебедки высокую худую фигуру человека, закреплявшего тук с бумажными обрезками, чтобы поднять его на второй этаж, в сортировочный цех. Но когда она моргнула и посмотрела внимательней, то поняла, что это не он. Девушка заглянула на склад, в столовую, в пристройку, где хранились запасные части машин, даже некоторое время понаблюдала за уборными. Увы, со двора Клемми не могла узнать, что делается в машинном зале и цехе подготовки массы. Она совсем было собралась туда проскользнуть, но в последний момент оробела. Если бы ее там обнаружили, то прогнали бы взашей. Расстроенная, Клемми обогнула старый фермерский дом и уселась под окном задней его части, где могла видеть рабочих, заходящих во двор. Она срывала ромашки и плела из них венки. Время шло, солнце поднималось все выше. Вскоре девушка услышала голос Алистера Хадли, который пришел в контору, чтобы провести утреннюю встречу с приказчиком. Они говорили о вещах, которые ее не интересовали, но когда в голосе Алистера Хадли появились тревожные нотки, она проявила больше внимания.

– А как насчет «Дугласа и сыновей»? Они до сих пор не сделали свой обычный заказ?

– Пока нет, сэр. Я написал им снова на прошлой неделе, но они еще не ответили.

– Это ставит нас в трудное положение, – вздохнул мистер Хадли. Последовала длинная пауза. – Ничего, как-нибудь выкрутимся.

– Не сомневаюсь, сэр. Эта фабрика действует безостановочно на протяжении веков. Поработает и еще некоторое время, можно не сомневаться.

– Хорошо сказал. Будем надеяться, что так и произойдет.

После этого они продолжили разговор о заказчиках и заказах, с которого перешли на проблему сброса красителей в Байбрук и на плохое качество последней партии тряпья из Бристоля, так что Клемми снова перестала слушать. Когда солнце начало напекать голову, проби-

ваясь сквозь шапку волос, она встала и отправилась обратно тем же путем, которым пришла, в сторону тряпичной фабрики. На холме позади нее пивоварня источала густой дрожжевой запах, а рядом с ней находился длинный открытый сарай, забитый до самых стропил тюками с тряпьем, готовым к переработке. Когда Клемми уже направлялась обратно, она наконец увидела его. Высокий, неотесанный, злой. Он вышел размашистыми шагами из ворот фабрики, закурил сигарету, а потом зажал ее зубами, поднял тюк и уложил его на стоявшую рядом ручную тележку.

Клемми сделала шаг вперед, но потом остановилась. Илай Таннер развернул тележку и покатил ее обратно на фабрику, чертыхаясь сквозь зубы, когда та застревала в глубоких колеях. Он был долговязым и угловатым. У него был кривой нос, который выглядел так, будто его не раз ломали. Она вспомнила об отце парня по имени Исаак, известном просто как Таннер. Он был патриархом семейства, обитавшего в коттедже Соломенная Крыша.

Этого свирепого и грубого человека знала вся округа. Люди опасались его сердить, но даже это не гарантировало им полной безопасности. Они держались от него подальше, как овцы от незнакомой собаки. Иногда он нанимался сезонным рабочим на какую-нибудь ферму или устраивался на фабрику, занимаясь самым неквалифицированным трудом – сортировкой макулатуры или тряпья, очисткой ролов в промежутках между загрузкой в них массы, разведением огня под котлами. Он работал там, куда брали, и до тех пор, пока его не увольняли за драку, воровство или пьянство. Однажды его прогнали за то, что он напился, заснул и позволил огню в топке парогенератора погаснуть – это было недопустимо. Миссис Хэнкок с фермы Медовый Ручей клялась, что в последний раз, когда Таннер вошел в церковь, вода в купели закипела. Поговаривали, будто зимой его жена родила близнецов и он утопил самого маленького в бочке, как крысу, сочтя, что в его семье и без того слишком много ртов. Только этого нельзя было доказать, ибо жена Исаака рожала в одиночестве, и обоих младенцев тоже никто не видел, а потому Клемми понятия не имела, как могла появиться такая история. Когда она спросила свою мать – поднятые брови и наклон головы, – Роуз поджала губы и проговорила: «Дыма без огня не бывает». Клемми представить не могла, каково это жить под властью такого человека. Ее собственному отцу достаточно было одного взгляда или слова, чтобы заставить обитателей фермы Уиверн его слушаться. Худшее, что он мог сделать, – это наградить одну из сестер оплеухой.

Когда Илай вернулся за следующим тюком, он ее увидел. И Клемми тут же в нерешительности опустила голову. Посмотрев исподлобья, Илай двинулся к ней. Он открыл рот, собираясь заговорить, но промолчал и лишь нахмурился. Он выглядел таким злым, и она понять не могла почему. Клемми испугалась бы этой злости, если бы не кролик и не та борьба, которая проступала в каждом его шаге и жесте. Казалось, он был полон сомнений, как в ней, так и в самом себе. Она задавалась вопросом, не является ли его злость способом выжить.

– Привет, – сказал он наконец, взглянув сперва на свои босые ноги, а затем на нее из-под неровно подстриженной челки. От него пахло раствором соды, в котором вываривали тряпье. Клемми подняла руку вверх, желая в свою очередь поздороваться, и ей показалось, что на его лице отразилось разочарование. Как будто он отчасти надеялся, что люди врут и она вовсе не немая. Клемми поспешила извиняюще улыбнуться и увидела, как он покраснел, а затем еще больше разозлился.

– Ты Клемми Мэтлок. С фермы Уиверн, – сказал он отрывисто, и она кивнула. – Я видел тебя раньше. Ты приносила молоко. И гуляла. В лесу и других местах. Мне там тоже по душе. Нравится быть одному.

Юноша стоял, всем телом подавшись вперед, его руки висели по бокам. У Клемми появилось чувство, что, если она сделает внезапный шаг в его сторону, он может убежать. Или наброситься на нее. Руки у него были такими же беспокойными, как и взгляд. Они находились в постоянном движении. Клемми так и не заговорила. Какое-то время спустя на фабрике раз-

дался гудок, через трубу повалил пар, выпускаемый из котла, а ножи в роле пришли в движение и застучали. Дрозд на дереве позади них заливался трелями, пчелы гудели в плюще, солнце устремляло вниз свои лучи, золотые и зеленые. Клемми хотела спросить: «Почему ты ради меня отпустил кролика?»

– Илай, где следующий тюк? – донесся крик из ворот фабрики.

Парень вздрогнул и снова нахмурился. Клемми захотелось положить руку ему на плечо, чтобы успокоить. Как только эта мысль пришла ей в голову, она тут же целиком завладела ею. Больше всего на свете Клемми желала прикоснуться к нему, унять его боль. Он оглянулся на нее, пожал плечами и выпрямился.

– Я тебе вот что скажу. Ты, Клемми Мэтлок, самая красивая девушка, какую мне когда-либо доводилось видеть, – проговорил он, и даже теперь его голос звучал сердито, как будто она воспользовалась каким-то преимуществом и оскорбила его. – Мне надо вернуться к работе. Может, я увижу тебя снова. На прогулке. – Он ухватил пальцами прилипшую к губе табачную крошку, снял ее, а затем его рука зависла в воздухе между ними. Казалось, он никак не мог решить, опустить ее или протянуть к ней. Его пальцы с обломанными ногтями были грязными и слегка дрожали. Почти незаметно, однако Клемми это увидела. – Знаешь, я пойду здесь, когда смена закончится, – сказал он неловко, и его щеки вспыхнули. – В сторону Форда, перед закатом.

Прежде чем он повернулся, чтобы уйти, Клемми снова улыбнулась.

* * *

Однажды утром на той же неделе Алистер Хадли отправился искать Пудинг, и девушка при его появлении, как всегда, почувствовала, что на нее накатила знакомая волна счастья. У него была скромная манера ходить, которая ей нравилась, – он никогда не мерил двор большими шагами, хотя владел и фермой, и фабрикой, и обычно у него было полно дел. Вместо этого он закладывал руки за спину и степенно прогуливался, посматривая вокруг так, словно видел великолепные сады, а не навозную кучу, загоны для свиней и грядки Джема Уэлча с ростками лука-порей. Пудинг думала, это связано с тем, что он всем этим владеет, – что бы ни случилось, дела могли подождать. Отец девушки, доктор Картрайт, напротив, казался, всегда спешил – кроме случаев, когда принимал пациентов. Размахивая саквояжем, он метался по всей округе, нанося визиты больным. А потом стрелой летел в свой врачебный кабинет в Биддстоне, лихорадочно крутя педали велосипеда и тяжело отдуваясь, когда брал крутой подъем на Джермайнской дороге. Только оставаясь наедине с пациентом, доктор становился безмятежным и излучал спокойствие – даже если перед этим едва успевал перевести дух.

Пудинг наводила лоск на Данди: она неутомимо колошматила его сложенной тканью по мясистым частям, что способствовало кровообращению и повышало мышечный тонус, а также, как было видно по окутывающему их облаку, выбивала из шерсти перхоть. Такие старания были, вероятно, излишними, учитывая объем работы, который неутомимый пони проделывал, таская двуколку вверх и вниз по холмам между Слотерфордом и Чиппенхемом, но данную процедуру посоветовал старый Хилариус, а Пудинг всегда руководствовалась его указаниями. Девушка покраснела, вспотела, у нее текло из носа, но она ничего не могла со всем этим поделать. Алистер подошел и улыбнулся. Его улыбка ей тоже нравилась. Солнце сияло на его светлых волосах и на плечах твидового пиджака. Он ласково потрепал Данди по шее.

– Доброе утро, Пудинг. Кажется, работа везде тебя найдет, – сказал Алистер.

– Похоже, что так. Но, если честно, то, чем я сейчас занимаюсь, не слишком отличается от выбивания ковра, – ответила девушка.

– Действительно. Бедный Данди. Довольно уничижительное сравнение.

Алистер погладил коба, задержав руку на шее конька дольше обычного. Пудинг угадала в этом жесте легкую неуверенность и догадалась, о чем пойдет речь. Всякий раз, когда хозяину требовалось что-то сказать о Донни, он проявлял кроткое нежелание делать это.

– Донни сильно расстроился и очень сожалеет о розах, мистер Хадли. Поверьте, – поспешила ему на помощь Пудинг.

– Конечно, я верю. И на самом деле ничего особенного не произошло. – Алистер внимательно посмотрел ей в глаза. – Мою жену сад мало интересует. Скорее всего, кусты восстановятся к тому времени, когда она выйдет, чтобы на них посмотреть. А Нэнси каждую неделю срезала цветы для могилы моего отца. Ей самой эти розы не очень-то нравились. Вот такие дела.

Его голос звучал так грустно, что Пудинг отчаянно захотелось сказать что-нибудь ободряющее.

– Ну, возможно, миссис Хадли розы не сильно интересуют? Моя тетя, например, терпеть их не может. Говорит, от них у нее глаза слезятся. Когда я видела ее в прошлом году, глаза у нее действительно были опухшими и красными. Она выглядела совсем больной. – Пудинг остановилась, чувствуя, что зашла слишком далеко со своим сравнением.

– Вот как? Бедная женщина, – пробормотал Алистер. – Но тут уже ничего не поделаешь. В любом случае розы через неделю-другую перестанут цвести, так что Донни, право, не о чем беспокоиться... И тебе тоже. Что случилось, то случилось.

– Спасибо, мистер Хадли. Вы... очень добры к моему брату.

– Как я уже говорил, Донни может работать здесь столько времени, сколько захочет, – мягко произнес Алистер. – Я кое-что знаю о том, что он повидал там, на войне. Прошел через это сам... То, что он вообще к вам вернулся, – это уже чудо. Нельзя ожидать от него... цельности. Человек, который оказался свидетелем таких ужасов, не мог остаться тем, кем был.

– Слава богу, по крайней мере, *вы*, мистер Хадли, вернулись оттуда целым и невредимым, – отозвалась Пудинг и сразу об этом пожалела. Выражение лица Алистера стало болезненным, и он не ответил. – Я имею в виду, что случилось бы со Слотерфордом, если бы вы погибли? С фермой, фабрикой и со всем остальным, – продолжила она. – То есть...

Она не придумала, что добавить, и замолчала, жалея, что не сделала этого раньше.

Данди ответил ей глубоким вздохом скупающей лошади, которой надоело греться на солнце. Воробьи прыгали вдоль желоба, окружающего каретный сарай, чирикали и копались в мусоре, выискивая ячменные зерна. В долине грохотала фабрика, и что-то заставило гусей возмущенно загоготать в их загоне.

– Должно быть, прикатил Кит со своими письмами, – вяло заметила Пудинг.

– Я хотел бы попросить тебя об одолжении, Пудинг, – произнес Алистер почти одновременно с ней.

Он выглядел робким. Пудинг покраснела за него и, чтобы скрыть это, сделала вид, что ее занимает кусок сложенной ткани, которой она только что била по крупу конька.

– Конечно, мистер Хадли. Я буду рада помочь.

– Ирен, то есть миссис Хадли, нашла что-то довольно странное в дымоходе старой школьной комнаты. Собственно, это кукла. Что уже странно, потому что здесь не было маленькой девочки в течение ста лет, пока не родилась тетя Нэнси, а та со всей решительностью заявляет, что не имеет к ней ни малейшего отношения. В любом случае Верни Блант и этот парень Таннер думают, будто это что-то связанное с порчей.

– Понятно, с порчей, – проговорила Пудинг. – Но о какой порче вы говорите?

– Ну, что-то помещается в дымоход... Я полагаю, в качестве своего рода приношения темным силам, связанного с магическим заговором или заклинанием.

– Как детская обувь в старой соломе?

– Вот именно. И юный Таннер уверяет, что Ирен должна показать находку его бабушке. По-видимому, старушка эксперт по таким вещам и сможет сказать, оставили куклу в дымоходе ради доброго или злого дела, а также способна принять необходимые меры против любых... негативных последствий, которые могут произойти оттого, что куклу потревожили.

Взгляд Алистера, которым тот на нее смотрел, казался смущенным, и Пудинг никак не могла решить, стоит ли притвориться, будто она верит в подобные вещи, тогда как это было не так, или посмеяться над услышанным, хотя это могло оскорбить миссис Хадли.

– Что ж. Я слышала, к старухе Таннер идут все, у кого возникают разного рода проблемы. Вы, наверное, знаете, что, когда люди болеют и не могут себе позволить обратиться к моему отцу, они лечатся у нее отварами трав.

Пудинг осторожно выбирала слова и старалась, чтобы голос не выдал ее истинного отношения к знахарке, хотя она ясно помнила, как отец описал ей состояние Терезы Хэнкок после того, как та приняла одну из белых горошин бриония, которые ей дала старуха Таннер, чтобы избавиться от нежеланной беременности. Девочка, которой исполнилось не больше четырнадцати, извивалась, как змея, на грязных простынях от приступов рвоты. Ее прямо выворачивало наружу. И появившийся на свет мальчик, Микки, был теперь крепким малышом, которого все баловали, несмотря на то что он родился в грехе.

– На самом деле я совершенно уверен, что все это чушь. Колдовство, я имею в виду, – сказал Алистер.

– О да. Наверное.

– Только... моей жене пришлось по душе подобная мысль. Не потому, что она верит в колдовство как таковое, а из-за идеи отправиться к миссис Таннер и обо всем ту расспросить. Юный Иосиф вполне ее убедил. Конечно, она не знает... – замялся он и снова внимательно посмотрел на Пудинг. – Она совсем ничего не знает о Таннерах. Об их дурной репутации. А тут еще я насел на нее: мол, она должна выходить из дома и встречаться с соседями. Нэнси отказывается принимать в этом какое-либо участие, что, кажется, делает Ирен еще более решительной... Вот я и спрашиваю, Пудинг, не согласишься ли ты пойти с ней? В смысле к Таннерам? Уверен, это посещение не займет много времени. Но один в поле не воин, сама понимаешь, а они хоть, по крайней мере, знают тебя в лицо.

– Конечно пойду! С удовольствием, – откликнулась Пудинг.

На лице Алистера отразилось облегчение, и она почувствовала, как ее распирает от счастья.

Она готова была согласиться на все, о чем бы Алистер ни попросил, даже предложи он ей извлекаться в грязи, или прыгать до вечера на одной ноге, или изменить имя... Хотя на самом деле трудно было придумать имя худшее, чем Пудинг, так что день избавления от него стал бы для девушки праздником. Ее послушание и преданность Алистеру были связаны не только с тем, как он обходился с Донни, но и с тем простым фактом, что он, казалось, жил здесь всегда. Он появился на Усадебной ферме еще до того, как родилась Пудинг, и представлялся ей милостивым повелителем здешнего края, каковым на самом деле и являлся, – во всяком случае для тех, кто работал на его фабрике. Он был воплощением справедливости и верности себе, тогда как другие люди, казалось, были ненадежны и непредсказуемы. Даже те из них, которых она любила больше всего на свете.

– Спасибо, Пудинг. Я очень признателен тебе, – проговорил Алистер, прерывая ход ее мыслей. – Сегодня днем я поеду в Чиппенхем поговорить с представителем банка, так что если бы ты запрягла Данди к двум часам...

– Конечно, мистер Хадли.

– Тогда, возможно, вы с миссис Хадли могли бы пойти к Таннерам после обеда? – Он повернулся, чтобы уйти. – Ах да, Пудинг, я хотел спросить о твоих родителях... Они здоровы?

– О, – произнесла Пудинг. Слова замерли на ее губах. Ей показалось невозможным лгать Алистеру Хадли. Тот сразу бы догадался, что она говорит неправду. На Пасху он поприветствовал Луизу Картрайт у церкви, как приветствовал всех: протянул руку и произнес ее имя. Мать отпрянула, в панике затрясла головой, не узнав его или не понимая, что происходит, а может, забыв, что от нее ожидалось. На протяжении всей службы ее лицо выражало полное недоумение, как будто викарий говорил на латыни, и она не пропела ни одного псалма. Все это видели, все знали. Дела шли скверно. – Кое-как, с грехом пополам, – призналась Пудинг, стараясь говорить непринужденно.

Девушка не могла бы вынести жалости в глазах Алистера. Казалось, та лишила бы ее последних сил, и хозяин фермы, словно поняв это, сразу переменял тему разговора.

– Замечательно, – сказал он, кивая. – Очень хорошо. Ну, Пудинг, вернемся к твоей работе. И... если тебе что-то понадобится...

– Спасибо, мистер Хадли. Мне давно нужна новая ручка для дворовой метлы, – проговорила девушка, прекрасно понимая, что он имел в виду совсем другое.

Еще до войны, когда Пудинг была девочкой лет пяти, семья Хадли пригласила биддстонскую воскресную школу, которую посещало большинство детей Слотерфорда, устроить традиционный летний пикник в огромном амбаре на Усадьбой ферме, поскольку не вызывало сомнений, что проклятие в виде тоскливой дождливой погоды, вот уже два месяца тяготевшее над Уилтширом, останется в силе. Дети, и маленькие и постарше, вначале пребывали в унынии. Дело в том, что на пикник обычно долго ехали на конном дилижансе с деревянными скамейками по бокам и холщовой крышей, который подвозил их либо к вокзалу в случае поездки на море, либо к какому-нибудь высокому холму в нескольких милях от дома, откуда открывался неожиданный вид на окрестности. Там они ели сэндвичи и играли на лугу в высокой траве. В жмурки и ручеек, в «я послал письмо любимой»³⁴ и в «двойки и тройки»³⁵. Теперь их ждала лишь короткая прогулка на хорошо знакомую грязную ферму, где шипели, насканивая на гостей, гуси, а овчарки-колли тыкались носами в колени, пытаясь согнать людей в стадо.

Цветы на выходных соломенных шляпках у девочек намокли во время пути и пришли в негодность. По правде сказать, немногие из детей когда-либо бывали в амбаре Усадьбой фермы, но общее мнение состояло в том, что амбар – он и есть амбар. Ни больше ни меньше. Однако Хадли, а в особенности Алистер, сделали все возможное, чтобы превратить амбар в волшебное царство. Драпировки и бумажные фонарики, столы на козлах, используемые для церковных праздников, покрытые клетчатыми скатертями, булочки со взбитыми сливками с утренней дойки, а также – сверх предела всяческих ожиданий – мороженое с фермерской кухни со свежей земляникой. Раздраженное шарканье ногами сменилось возбужденным ерзаньем. Огромный амбар был старинной постройкой, возведенной еще в те давние времена, когда король с каким-то некоролевским именем Стефан³⁶ подарил Слотерфорд с его мельницами монастырю в Фарли-Хангерфорде³⁷ и десятину начали собирать с каждой фермы. Крыша просела, ее консольные балки изогнулись от возраста, деревянные рамы окон были изъедены жуками-древоточцами, каменные стены потрескались, тем не менее амбар оставлял впечатле-

³⁴ Игра заключается в том, что дети сидят по кругу, а водящий несет маленькую корзинку с письмом по кругу, пока все поют песенку. Когда та заканчивается, водящий останавливается и вручает корзину ближайшему игроку. Затем оба мчатся по кругу в противоположных направлениях, чтобы занять освобожденное место. Опоздавший водит, и все опять поют песенку.

³⁵ «Двойки и тройки» – детская игра, напоминающая игру «третий лишний».

³⁶ *Стефан*, известный также как Стефан Блуаский (ок. 1092/6–1154), – внук Вильгельма I Завоевателя, сын его дочери Адель, король Англии с 1135 г.

³⁷ Неподалеку от города Бат, графство Сомерсет, находится замок Фарли-Хангерфорд. Изначально здесь была усадьба семьи Монфор. В 1369 г. сэр Томас Хангерфорд приобрел ее у Монфора и в 1377–1383 гг. возвел на месте усадьбы замок. После этого место стало известно как Фарли-Хангерфорд. Таким образом, в правление короля Стефана монастыря с таким названием быть не могло.

ние нетленности и несокрушимости. В нем хранилось также всевозможное фермерское старье, которого никто не касался, наверное, лет сто. Его перенесли в дальний угол и хорошенько задрапировали. Голуби возились у них над головами на пыльных балках, отвечая воркованием и хлопаньем крыльев на крики двадцати трех чумазных детей, приведенных в неистовство тем, что они в один присест съели больше сладкого, чем им обычно перепало за месяц.

Несмотря на то что Пудинг была дочерью врача, а следовательно, занимала более высокое положение, чем дети фермеров и рабочих, те избрали именно ее главной мишенью своих шуток, потому что она выглядела круглолицей простушкой. Девочка была особенно разочарована, что пикник проводится в Слотерфорде, и утешала себя тем, что, обходя столы, выскребала из чашек остатки мороженого и подбирала с тарелок последние крошки печенья. Ее любили, так как она была веселой и стремилась всем угодить, и у нее никогда не возникало проблем с другими детьми; Пудинг ладила даже с маленькой Зиллой, дочкой Таннера, невероятно тощей, которая, как всем было известно, могла ударить или укусить из-за самого ничтожного повода. Один из фермерских мальчишек, Пит Демпси, подобно Пудинг, тоже был пухлым, но, вместо того чтобы стать ей союзником, он обычно становился первым, кто начинал ее дразнить, – возможно, чтобы самому не попасть под огонь насмешек.

Когда мисс Уортон объявила игру «свинья посредине»³⁸ и спросила, кто будет первой свиньей, все захихикали и указали на Пудинг. А когда Нэнси Хадли обратилась к ним и спросила, кто пробрался на кухню и взял там полбуханки хлеба, все опять засмеялись и снова указали на Пудинг, хотя было куда логичней заподозрить Зиллу Таннер (это оказалась действительно она – хлеб выпал у нее из-под юбки, когда в конце дня они строем шли из амбара). Когда же началась «охота за сокровищами»³⁹ и Пудинг застряла между сломанными досками старых яслей, ей никто не помог. Наоборот, все расхохотались, глядя, как девочка, набивая себе синяки, барахтается в тщетных попытках высвободиться, а слезы текут по покрасневшему лицу. Дети веселились, пока не появился Алистер Хадли, который раздвинул доски, чтобы Пудинг могла выбраться, а затем взял девочку под мышки, поставил на ноги – не без усилий – и стряхнул пыльное старое сено с ее платья.

– Ну вот. Снова красавица, – сказал он, несмотря на то что на подбородке у Пудинг висела капля, вытекшая из носа, и ленты выпали из ее волос. – А вам должно быть стыдно, – обратился Алистер к остальным детям, которые хмуро смотрели на эту сцену. – Надо быть добрее друг к другу, особенно сегодня, когда вы так прекрасно проводите время.

Широко раскрыв глаза, весельчаки молча проглотили этот выговор. Алистер Хадли был самым важным человеком в деревне. Он был чисто одет, красив и богат. На него так или иначе работали почти все в деревне. Сам Алистер Хадли поднял Пудинг, почистил ее платье и назвал красавицей – с тех пор она его полюбила самой горячей любовью. Дети провели остаток дня, угождая Пудинг, как только могли, хотя к тому времени мистера Хадли уже не было рядом. Действие его чар, однако, не могло продлиться вечно, и скоро все опять принялись смеяться над ней, но это уже не имело значения. Сердце Пудинг принадлежало ему.

Она очнулась от своего задумчивого состояния, когда вошла в сарай для хранения сбруи и увидела там Хилариуса, сидевшего на стуле с открытой книгой у растопленной, несмотря на жару, печки. Старик сюда обычно не приходил, поскольку всю упряжь, какая ему требовалась, держал в большом амбаре, и она подумала, не закончились ли у него запасы мыла или чистого холста. А может, ему понадобился пробойник? Но тут она увидела, что старик держит в руках «Историю самых темных злодеяний», ту самую книгу, которую она принесла с собой, чтобы

³⁸ «Свинья посредине» – игра, в которой дети бросают мяч друг другу, а водящий стоит между ними и пытается его поймать.

³⁹ «Охота за сокровищами» – игра с пятью игроками или более, которые пытаются найти спрятанные предметы или места, следуя серии подсказок.

почитать во время перерыва на чай. Оказывается, он тоже знал грамоту. Девушке стало стыдно, что до сих пор это не приходило ей в голову.

– О! Здравствуйте, Хилариус. Вы меня напугали, – проговорила она. Старик кивнул и встал. Он хмурился, но не выглядел раздраженным. Скорей, его озадачивала какая-то мысль, чем мучило настоящее беспокойство. – У вас все в порядке? – спросила Пудинг.

– Ага, – буркнул Хилариус рассеянно.

У него был очень странный акцент. Смесь уилтширского и чего-то необычного, чужого, доставшегося в наследство от страны, где он появился на свет. Однажды Пудинг спросила, откуда он родом, но старик с упреком посмотрел на нее и сменил тему разговора, так что она почувствовала себя нарушительницей приличий, а потому больше никогда не заводила об этом речь. Старик закрыл книгу и повертел ее в руках, морща лоб, отчего кожа на нем стала еще больше походить на кору дуба.

– В чем дело, Хилариус?

– Не стоит читать о таких вещах, – произнес старик, кладя книгу на табуретку позади себя. Это было странно. Пудинг ожидала, что он ее отдаст. Хилариус остался стоять между девушкой и книгой, скрестив руки, словно охранял свою подопечную от неведомого зла. – Иначе недалеко до беды.

– Вы имеете в виду, что мне будут сниться кошмары? Моя мама говорит то же самое всякий раз, когда я читаю романы, полные ужасов. Но не волнуйтесь, со мной ничего страшного не произойдет, – проговорила Пудинг веселым голосом, желая его успокоить.

Она улыбнулась, но Хилариус продолжал хмуриться, глядя куда-то мимо нее, на пол. Последовала длинная пауза, и Пудинг не решилась ее прервать.

– Тебе не надо читать такие книги, девочка, – проворчал Хилариус, а затем кивнул, будто сказал все, что ему требовалось, и вышел.

Чувствуя себя немного виноватой, несмотря на то что старику было решительно не из-за чего так расстраиваться, Пудинг убрала книгу подальше от посторонних глаз и попыталась вспомнить, зачем пришла в этот сарай.

* * *

Ирен завернула ветхую грязную куклу в старый шарф, обращаясь с ней с большой осторожностью, чтобы нечаянно не повредить. Вообще говоря, если бы интуиция не подсказывала ей отнестись к кукле со всей серьезностью, ее интерес вполне мог ослабнуть, едва возникнув, несмотря на яростный сарказм Нэнси и неподдельный ужас, который Ирен прочла на лице Иосифа Таннера. Странное чувство важности находки постоянно присутствовало на периферии сознания, словно мимолетное воспоминание, засевшее в памяти со времен раннего детства, бесформенное и мучительное. Она не могла разобраться в том, что ее беспокоит, но понимала одно: ей требуется узнать об этой кукле *хоть что-то*.

– Наша бабуля сразу поймет, в чем дело, – удостоверившись, что Нэнси его не слышит, тихо проговорил Иосиф Таннер.

Его слова прозвучали так, будто, посоветовав прибегнуть к помощи старухи, он не сомневался, что Ирен в ней нуждается, хотя та не могла понять, откуда у него взялась такая уверенность. Сказанное походило на предложение, которое делают лишь раз и больше не повторяют. В голосе юноши было что-то убедительное, равно как и в самом темноволосом немом пареньке с его нервозностью и энергией.

После обеда, когда Ирен спустилась из спальни, одетая для предстоящей прогулки в наименее городскую одежду, какая у нее имелась, – бежевую юбку, длинный жакет из сурового полотна и крепкие кожаные туфли, – Нэнси в последний раз высказала свое мнение о походе

к Таннерам. На самой Нэнси были бриджи и льняная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Прежде чем заговорить, она окинула взглядом наряд Ирен.

– Я чувствую, что должна вас предупредить, так как мой племянник слишком мягок и не привык говорить о ком-либо плохо, – сказала она. – Таннеры очень дурные люди. По большей части воры и убийцы, включая женщин. Конечно, знакомиться с жителями деревни необходимо, но вы решили начать с худших ее обитателей.

Она подняла брови, как часто делала, разговаривая с Ирен, и та попыталась найти в глазах мисс Хадли хотя бы искорку благодушия. Нэнси смотрела на нее взглядом твердым, как сталь.

– Ну, они вряд ли убьют меня только за то, что я постучусь к ним в дверь. А к тому же у меня есть приглашение, – возразила Ирен, стараясь придать голосу беззаботность.

Нэнси тихо засмеялась.

– Они, знаете ли, запросто могут это сделать, – проговорила она по-прежнему без тени юмора.

Ирен вспыхнула от обиды.

– Что ж, Пудинг Картрайт меня защитит. Или, если потребуется, я смогу использовать ее как баррикаду, – пошутила Ирен и сразу пожалела об этом.

Взгляд Нэнси стал еще жестче.

– Эта девушка упорно трудится, говорит правду и тащит на себе всю семью. Вам, Ирен, лучше бы выбрать ее в качестве примера для подражания, а не издеваться над ней.

Старая леди повернулась и решительно вышла из комнаты, прежде чем Ирен нашлась что ответить. Так с ней Нэнси еще не разговаривала. Ирен бросило в жар, и, пока она смотрела в спину удаляющейся тетке Алистера, ей пришла в голову мысль, что она понятия не имеет, в каком качестве тут находится; Ирен охватило неодолимое чувство одиночества.

Пудинг Картрайт много болтала, шагая рядом с Ирен. Именно «шагая». Это было лучшее слово, которое Ирен смогла бы подобрать. Походка у Пудинг была стремительная, твердая и совсем не женская, на мерную рысцу лошадей, которых девушка так любила, она тоже совершенно не походила. На ней были резиновые сапоги, измазанные в грязи, и она не пыталась обходить лужи или лежащие на дороге кучки конского навоза, а потому часто оказывалась впереди, отчего ей приходилось оборачиваться и ждать, когда Ирен ее догонит.

– Мистер Хадли рассказал вам, как деревня получила свое название? – спросила Пудинг, пока Ирен осторожно спускалась по самому крутому участку дороги, идущей от фермы.

Она не привыкла месить под ногами грязь, смешанную с мелкими камнями, и не привыкла к крутым склонам, не облагороженным ступенями. День выдался теплым, но пасмурным, воздух был влажен и насыщен деревенскими запахами. Ирен не могла вспомнить, чтобы в Лондоне когда-нибудь пахло так сильно даже во время отлива⁴⁰. Запах был *живым* и наводил на мысль о дыхании какого-то огромного животного.

– Что-то связанное с викингами, да? – отозвалась она рассеянно.

– Совершенно верно, – подтвердила Пудинг. – Так мне рассказать?

Девушка начала повествование, не дожидаясь ответа Ирен и, по всей видимости, наслаждаясь жестокими подробностями кровавой битвы. Ирен перестала слушать. Она предпочитала думать о Фине, пытаясь как можно точнее вспомнить сказанные им перед расставанием слова и то, как он их произнес. Ирен старалась представить себе его лицо, не загораживаемое лицом Сирены с ее белозубой улыбкой и слегка раскосыми глазами, в которых мерцало скрытое пламя тайного недоброжелательства.

⁴⁰ Во время особенно сильных отливов река Темза в районе Лондона на некоторых участках становилась похожа на широкий ручей с грязно-серыми берегами, которые были покрыты нечистотами, источавшими сильный запах.

– А потом вода в реке покраснела от крови, льющейся из ужасных ран живых и мертвых воинов, – закончила Пудинг, и Ирен не смогла найти подходящего ответа. – Конечно, – продолжала девушка, – некоторые утверждают, что слово *слайт* означает заливной луг на каком-то древнем наречии и название «Слотерфорд» происходит от него. Но мне больше нравится история про кровавую реку, а вам? И знаете, миссис Хадли, я восхищаюсь вашими волосами. В прошлом году я попробовала подстричь свои, как у вас, но они выглядели ужасно. Все мне так говорили. А ваши просто идеальные.

– Спасибо, – отозвалась Ирен.

– Знаете, мне пришла в голову мысль заглянуть к миссис Гловер и купить что-нибудь для Таннеров, – проговорила Пудинг, остановившись рядом с крутыми ступеньками, ведущими на высокий берег реки к покосившемуся каменному домику.

– Купить что-нибудь? – смущенно повторила Ирен.

Она посмотрела на коттедж и увидела, что нижнее окно в нем широко распахнуто, а над ним висит сделанная вручную вывеска с надписью «Бакалея». Так выглядел магазин в Слотерфорде. Пудинг поднялась по ступенькам и просунула голову в окно.

– Есть тут кто-нибудь! – громко позвала она, а потом снова повернулась к Ирен. – Да, насчет того, что купить. На самом деле это не имеет значения. У них не хватает самого необходимого. Может, подарить им мыла?

– Разве это не будет немного бестактным?

– Вы думаете? Ах да... я понимаю, что вы имеете в виду. Значит, мыло отпадает. Тогда чай... и леденцы для самых маленьких. Или печенье? Знаете, Триш Таннер делает лучшие ларди⁴¹, каких вы еще не пробовали. Иногда она продает их на празднестве в Биддстоне, и, если повезет, мы можем получить по куску. Должна сказать, у миссис Гловер на прошлой неделе продавались прекрасные жестяные коробки от «Хантли и Палмерс»⁴² с Джеки Куганом⁴³ на крышке. В прошлом месяце папа отвез нас всех в кино в Чиппенхем, и мы посмотрели «Малыша»⁴⁴. Вы его видели? Думаю, да. Вы, наверное, в Лондоне только и делали, что ходили в кино. Правда, миссис Хадли? Вам сейчас, должно быть, ужасно его не хватает.

– Это так, – с чувством произнесла Ирен.

За все время разговора эти слова стали первыми, сказанными от души.

– Но вы отказались от всех удовольствий лондонской жизни ради мистера Хадли, – продолжала Пудинг с тоской. – Все это ужасно романтично. Вы, верно, почву под ногами из-за него потеряли.

– Да, пожалуй, что так, – ответила Ирен и почувствовала разочарование Пудинг, когда не стала развивать эту тему.

На самом деле благодаря ухаживаниям Алистера она как раз обрела почву под ногами. Все началось в тот первый и единственный раз, когда родители заставили ее выйти с ними в свет после того, что произошло, – после того, как все узнали. Отец с матерью решили делать хорошую мину при плохой игре и изображать беспечность, пока та к ним сама не вернется. Ирен помнила насмешливые взгляды, перешептывания и возникший вокруг их стола невидимый круг, который никто не хотел пересекать. Она не могла забыть покрытые красными пятнами напряженные щеки матери и вызванный алкоголем румянец на щеках отца, нехватку воздуха, почти остановившееся время, а затем появление Алистера, пересекшего зловещую черту

⁴¹ Ларди – сдобный пирог с добавлением свиного сала, сухофруктов или смородины, популярный на юге Англии.

⁴² «Хантли и Палмерс» – британская фирма, основанная в 1822 г. Томасом Хантли и Джорджем Палмером; эта компания создала один из первых мировых брендов печенья и открыла некогда крупнейшую в мире фабрику по его производству.

⁴³ Джеки Куган (Джон Лесли Куган; 1914–1984) – американский киноактер. Вошел в историю кинематографа как первый в истории ребенок-кинозвезда.

⁴⁴ «Малыш» – американский немой семейный фильм 1921 г., первая полнометражная режиссерская работа Чарли Чаплина, в которой также снялся Джеки Куган в роли Малыша.

и пригласившего Ирен на танец. Ужас, охвативший ее, отдавался в голове ударами настолько громкими, что она встала и очутилась в его объятиях еще до того, как до конца осознала, в чем дело, или успела ему ответить. Руки, сомкнувшиеся вокруг нее, обещали защиту, но она все равно чувствовала себя голой. Собственные движения казались деревянными, шаги неуклюжими.

– Просто продолжайте танцевать, милая девушка, – проговорил Алистер, когда до них докатилась волна смешков. – Забудьте о них. Люди обожают наслаждаться бедами других, но это не делает их правыми.

– Пожалуйста... – жалобно прошептала она ему. – Пожалуйста, позвольте мне просто уйти.

– Возможно, вам не стоило появляться в обществе так скоро, но сначала нужно закончить танец, – ответил Алистер. – Не позволяйте устраивать вам экзекуцию.

Если бы не его руки, которые удерживали ее, она бы сбежала, дав для пересудов еще один повод.

После танца они вместе вышли, он проводил их до дома, а на следующий день явился с визитом. Наступил март, и за окном сияло солнце, обещая скорый приход весны. Озаренный его лучами, он пересек комнату, словно неся с собой свет, и Ирен повернулась лицом к стеклу, потому что видеть Алистера ей было слишком тяжело. Ей нужен был Фин. Она хотела быть с ним в каком-то другом – любом другом – месте. Это было единственное, к чему она стремилась. Алистер сел напротив с перчатками в руке. Она посмотрела на него, на приподнявшиеся брюки, обнажившие лодыжки, а затем, когда он тайком взглянул на нее, почувствовала его оптимизм, заботу и уважение. Они были ей не нужны. Ирен решительно проигнорировала его слова, когда он спросил, как она себя чувствует. Конечно, он бы и сам понял, если бы пригляделся, какая она никчемная. Какая потерянная. И тогда его бессмысленный визит благополучно бы завершился.

– Я многое узнал на войне, Ирен, – произнес он после паузы. – В основном то, что не стоит помнить. Но есть одна вещь, которую я не могу забыть, даже если бы захотел. Дело в том, что жизнь очень короткая и очень ценная штука, и если мы не можем обрести счастье в то малое время, которое нам отпущено, тогда в ней действительно нет никакого смысла. – Он снова умолк, и Ирен наконец повернулась, чтобы на него посмотреть. Алистер улыбнулся мимолетной доброй улыбкой, по которой Ирен поняла: он живет в другом мире, совсем не в том, в котором обитает она. – Итак, у меня есть для вас предложение, и я не хочу, чтобы вы слишком много над ним размышляли. Мы, люди, так непоправимо запутываемся в мыслях, пытаясь все как следует обдумать и угадать результаты, о которых не можем знать. Так что, пожалуйста, просто выслушайте. Я обожаю вас. Выходите за меня замуж.

Ирен сперва подумала, что неправильно его расслышала, но потом из ее рта вырвался странный звук, отчасти напоминающий смех, – над ним, над собой, над безумными словами, которые он только что произнес. Некоторое время она смотрела на него, чувствуя себя неимоверно далекой от комнаты, где находилась. Как она может связать свою жизнь с этим нелепым, милым и сумасшедшим человеком, который явно не имеет понятия о том, что говорит? Когда она покачала головой, он снова улыбнулся, на сей раз грустно, и посмотрел на свои руки.

– Нет, – отрезала Ирен.

Это было все, что она могла сказать. Алистер встал, собираясь уйти:

– Вам нужно уехать отсюда. Начать все заново. Вам требуются отдых и забота.

– Нет, это не так.

– Только до тех пор, пока вам не станет лучше. Только пока не пройдет... шок. Потому что все случившееся не имеет значения, Ирен. То, что говорят и думают люди, на самом деле не имеет значения, понимаете? Я видел такие случаи много раз. Они абсурдны. Большинство людей не представляют себе, насколько хрупка жизнь. Насколько хрупки они сами. Единствен-

ное, что нам остается, – это быть добрыми, любить и ждать, когда все закончится. Выходите за меня, и вы убедитесь в этом сами.

– Нет, – пробормотала измученная Ирен, чувствуя, как все в ней мертво. – Я действительно любила. И люблю. Но не вас.

Она увидела, как он слегка поморщился и сглотнул.

– Я знаю, что вы меня не любите. Но возможно, хотя бы на данное время нам хватит того, что я люблю вас.

– Если вы хотите мне помочь, – проговорила она, снова отворачиваясь, – то оставьте меня в покое.

Таннеры жили в единственном доме с соломенной крышей, сохранившемся в Слотерфорде. Крыши остальных, после того как солома сгнила, были выложены каменной плиткой, а в некоторых случаях даже покрыты жестью. Дом Таннеров был полностью лишен каких-либо украшений. Он представлял собой простую прямоугольную коробку, причем не слишком большую. Из-за близости к фабрике здесь, наверное, никогда не стихал доносящийся с нее грохот машин. Даже сейчас, летом, солома выглядела темной и заплесневелой. Мощеная дорожка, идущая вокруг дома, поросла мхом, а двор представлял собой полосу препятствий, сооруженную из мусорных баков и упаковочных ящиков, сломанных колес и брошенных инструментов, рулонов проволоки, куч каменных блоков и сланцевой плитки. Трое детей резвились на простых веревочных качелях, свисающих с растущего за домом вяза. Когда Ирен подошла к входной двери, она почувствовала на себе чей-то взгляд, оглянулась по сторонам и увидела мальчика лет шести. Тот смотрел на нее сквозь окно сооруженной из большого ящика будки, и его глаза ярко блестели. Ирен переложила из руки в руку корзину, в которой несла куклу, и почувствовала себя неловко. Она понятия не имела, что будет говорить, и надеялась, что Пудинг заполнит пробелы в ее речи. Было очень похоже на то, что так и произойдет.

– Я никогда раньше не заходила к Таннерам. Думаю, это единственный в деревне дом, где мне еще не довелось побывать, – проговорила Пудинг взволнованно, как будто происходящее могло сойти за настоящее приключение.

– Но я думала, ты с ними знакома? А они тебя знают? – спросила Ирен.

– Ну, вроде как. – Пудинг подошла к двери и без малейших колебаний постучала в нее. Ирен вспомнила, что ей говорила Нэнси, и ощутила растущее беспокойство. Пудинг, понизив голос, произнесла: – В основном я их знаю по многочисленным слухам. Здесь все друг с другом знакомы, но Таннеры не слишком общительны. Люди стараются держаться от них подальше. Но, по крайней мере, они должны знать, кто я... О, привет, – поздоровалась она с худющей замарашкой, которая открыла дверь. – Я Пудинг Картрайт, дочь доктора, а это миссис Хадли, которая хочет повидаться с вашей бабушкой. Нас пригласил Иосиф, так что, надеюсь, она нас ждет. И мы принесли печенье.

Не говоря ни слова, худышка, которой, по всей видимости, было всего лет тринадцать, отступила, давая им пройти. Сердце Ирен заколотилось.

Внутри дом казался больше, чем снаружи. Он был разделен на две комнаты с проходом из одной в другую. Из первой крутая лестница вела на верхний этаж, а во второй виднелась большая железная плита, в которой полыхало пламя, так что жара в доме стояла невероятная. Девочка провела их во вторую комнату, где витали запахи, каких Ирен не встречала никогда в жизни. Они исходили от стоящей на плите огромной кастрюли, над которой поднимались клубы пара. В углу на раскладной кровати лежал дряхлый старик, завернувшийся в тонкое шерстяное одеяло, и наблюдал за ними. Ирен рискнула бросить на него быстрый взгляд, и ее впечатлили темные круги вокруг глаз, впалые щеки, клочья грязной седой бороды и руки, такие большие и сильные, что даже возраст не мог ничего с ними поделать. От старика исходила суровая враждебность, столь неуместная при очевидной немощи. В комнате находилось

по меньшей мере восемь Таннеров. Три босоногих мальчугана сидели на полу и настороженно молчали, две девочки-подростка стояли у разделочного стола, сдирая кожу с кроликов. Женщина постарше сидела рядом со стариком и штопала рубашку, а та, кого Ирен сочла пресловутой мамашей Таннер, в царственном одиночестве расположилась в обеденном кресле с подлокотниками, какое обычно ставят во главе стола. Плита была совсем близко, и щеки на ее восковом лице раскраснелись. Пудинг с Ирен неуверенно подошли к ней, и под пристальным взглядом многих глаз Пудинг тоже зарделась.

Скудный свет, проникающий в комнату из-за повешенных на окнах толстых полотен войлока, которые было невозможно подвязать, казался зеленоватым от густой плесени на стеклах. Внутри дома было трудно сказать, который теперь час и какое на дворе время года. Ирен захотелось вернуться в сегодняшнее утро и отменить глупое решение пойти к Таннерам. Даже Пудинг притихла и оглядывала комнату со слегка растерянной улыбкой. Ее руки находились в постоянном движении и суетливо оглаживали одежду. Ирен глубоко вздохнула, шагнула вперед и закрыла собой спутницу. Она ненавидела свой страх перед людьми и то, какой он ее делал. Страх пронизывал все фибры ее души, но Ирен все же удалось его подавить.

– Я Ирен Дал... Хадли, – произнесла она, споткнувшись на девичьей фамилии Далби. – Приятно познакомиться. Как поживаете? – быстро продолжила она, но старуха, сидевшая в обеденном кресле, заметила промах.

– Достаточно хорошо, – ответила мамаша Таннер голосом гораздо более мелодичным, чем ожидала Ирен, и уж во всяком случае никак не ужасным.

– Я пришла показать вам одну вещь, которую нашли в дымоходе на ферме. Ваш паренек, Иосиф, считает, что ее не следует оставлять без внимания.

– Да, он говорил, что вы придете. Вчерашняя невеста, не так ли? Еще не смирившаяся с новым положением? Во всяком случае, в своем сердце, – сказала мамаша Таннер, бросая на Ирен орлиный взор, который, однако, не был недобрым. Ирен встретила его с недоумением, а затем почувствовала, как позади нее Пудинг переминается с ноги на ногу. Любопытный взгляд девушки так и буравил спину Ирен, едва только не прожигая жакет. Старуха зыркнула в ее сторону и улыбнулась. – Не то что докторская дочка.

– Кто, я? – спросила Пудинг, пожалуй, чересчур оживленно.

Улыбка мамыши Таннер стала еще шире.

– Может быть, вы хотели бы посмотреть, что мы нашли? – спросила Ирен и сама удивилась тому, насколько холодно прозвучал ее голос.

– Да, ваше вашеество, – со смешком произнесла мамаша Таннер.

Одна из девочек-подростков с окровавленными руками бросила на Ирен хмурый взгляд, но старуха выпрямилась в кресле, и ее руки ухватились за подлокотники, выдавая живой интерес. Наряд мамыши Таннер представлял собой несколько одеяний, залатанных и заштопанных, по всей видимости доставшихся ей от предыдущих поколений, – несколько слоев грубых хлопковых тканей, кружев и полотна, прикрытых зеленой шерстяной шалью. Как мамаша Таннер до сих пор не умерла от жары, Ирен трудно было вообразить. Струйка пота текла по ее собственному позвоночнику, и ей страстно хотелось скинуть жакет. Но она подошла ближе к пышущей жаром плите и достала куклу, осторожно ее развернув.

Когда старуха взяла куклу в свои руки и повертела, с той упало еще несколько кусочков грязи и ниток. Она стряхнула их с коленей и, всматриваясь в находку, прищурила глаза так сильно, что в движение пришло все лицо, сморщившееся, как бумага в огне. Некоторое время единственными звуками в комнате были шуршание обдираемых шкурок и хриплое дыхание старика. Внимание всех сосредоточилось на старухе и кукле в синем платье. Потом огонь в плите начал потрескивать, варево в кастрюле забурило, и один из мальчиков зашмыгал носом. Пудинг, словно находясь под гипнозом, шагнула вперед и встала рядом с Ирен, чтобы лучше видеть. Никто ничего не говорил, и казалось, что пауза продлится вечно. Старуха пососала

нижнюю губу. Вонь в комнате затрудняла дыхание. Ирен попробовала глотать воздух мелкими порциями, но вскоре у нее закружилась голова.

– Повешена в дымоходе или просто засунута за вьюшку? – спросила старуха в конце концов, да так внезапно, что все вздрогнули.

– Не знаю. Когда мне ее показали, она лежала на полу в куче саж, – пояснила Ирен.

– Хм. Значит, скорей всего, была просто спрятана за вьюшкой.

– Это имеет значение?

– Да, возможно.

Мамаша Таннер вернулась к безмолвному созерцанию, а остальные вновь принялись ждать. Нетерпение Ирен росло и росло; ей очень хотелось уйти, и она с трудом сдерживала это желание.

Когда раздался звук открываемой входной двери, все снова вздрогнули – все, кроме мамы Таннер. В комнату вошло трое мужчин, и Ирен почувствовала, что Пудинг как будто стала меньше ростом. Двое из них были просто молодыми парнями, возможно, им не исполнилось и двадцати, но третьим, как догадалась Ирен, оказался сам Таннер, хозяин дома. Высокий и широкий в плечах, он отличался худобой, силой и какой-то узловатостью. Его хмурое подзрительное лицо сплошь покрывали морщины, а рот кривился, словно его обладатель съел что-то кислое. Нос и щеки были в сеточке красных сосудов много пьющего человека, а в темных волосах виднелось множество седых прядей. Парни, стоявшие по обе стороны от него, были стройными и нервными, а их взгляды казались настороженными и сердитыми. Рассеченную губу у одного из них окружал лиловый синяк.

– Кто это, Триш? – потребовал ответа Таннер, кивнув в сторону Ирен, но обращаясь к женщине, занятой починкой рубашки.

– Новая миссис Хадли с Усадебной фермы, – объяснила та почти беззвучным голосом.

– Вот как? – произнес он, и его лицо, исполненное презрения, стало еще уродливей. Ирен почувствовала силу, таящуюся в голосе Таннера, и отказалась от мысли вступить с ним в схватку. Она подняла подбородок, но не смогла заставить себя выдать «Как поживаете?» перед лицом такой открытой враждебности. – И чего нужно от нас новой миссис Хадли?

– Спокойно, дружище, она пришла ко мне, – проговорила мамаша Таннер.

Буян успокоился, хотя и остался недоволен. Затем он увидел куклу, и его лицо сразу изменилось.

Он подошел к старухе и потянулся к находке, словно собираясь взять ее в руки, но затем, казалось, передумал. Таннер начал было отворачиваться, но потом замер на месте. Что-то его остановило. Он не мог отвести глаз от грязной старой куклы. Мамаша Таннер прищурилась, глядя на него.

– Откуда, черт возьми, она взялась? – спросил Таннер.

Его голос походил на рычание, но дрожал.

– Нашлась на ферме, – ответила старуха, пристально, не моргая наблюдая за ним. – Была спрятана там очень давно. В дымоходе.

При виде этой сцены Пудинг и Ирен обменялись озадаченными взглядами.

– *Еще чего!* – внезапно раздался за их спиной чей-то голос. Испугавшись, Ирен повернулась и увидела старика, глядящего на нее из-под одеяла. Она покраснела, смущенная его внезапным порывом и тем, что не могла сообразить, в чем дело. Он поднял большой дрожащий палец и указал прямо на нее. – *Еще чего, прочь!* – добавил он, и на сей раз она поняла. Ей велели убраться. Пудинг потянула Ирен за рукав.

– Нам уйти? – обратилась Ирен к мамаше Таннер, но старуха смотрела на сына, а тот все еще изучал куклу из дымохода. Через мгновение Таннер прервал свое наблюдение и взглянул на гостей с такой свирепостью, что Ирен и Пудинг обе сделали шаг назад.

– Спокойно, дружище, – снова сказала старуха, но отдала куклу Ирен. – Вам лучше забрать ее и уйти, миссис Хадли. И ты ступай, Пудинг. Возьмите и уходите.

– Но... что это за кукла? И что она означает? – спросила сбитая с толку Ирен.

– Находка не связана с порчей или заклинанием, так что можете не беспокоиться. Что она означает? – Она посмотрела на сына, который стоял неподвижно, вглядываясь в тени в углу комнаты, как будто оцепенев. Мамаша Таннер поглубже уселась в кресло и равнодушно произнесла: – Она означает, что грядут перемены.

4. Тронутая

Лучший друг Алистера Чарльз Маккинли жил с сестрой Корой и стариком-отцом Джерри в Биддстон-Холле, огромном тюдоровском⁴⁵ особняке с фронтонами, бифориями⁴⁶ и скрипящими дверями. Тот стоял неподалеку от деревенской лужайки⁴⁷ Биддстона за высокой каменной стеной с воротами. Едва Алистер и Ирен сошли на землю со своей двуколки-стенхоупа, входная дверь осветилась парой факелов и появились двое лакеев, чтобы выпрячь лошадь и провести гостей внутрь дома. Было странно снова надеть вечернее платье. Туфли так упоительно охватывали ступни. Какое знакомое чувство. Она с Лондона не надевала своего лисьего жакета. И с Лондона же не носила бриллиантов, подаренных ей по случаю первого выезда в свет. Собственно, она в последний раз надевала их в день свадьбы, когда предстала перед Алистером с мертвящим чувством вины, будто собиралась сбыть ему нечто неисправное, бездействующее. Беда была в том, что она знала: Алистер все понимает. И все равно хочет взять ее в жены.

– Не стоит нервничать, Ирен, – сказал он тихо, когда дверь в Биддстон-Холл распахнулась, и поцеловал ее руку. – Они славные и полюбят тебя.

Их встретил безукоризненный дворецкий, за спиной которого тут же возникла женщина лет, наверное, тридцати. Первое, на что Ирен обратила внимание, были огромные глаза и чересчур широкая улыбка, обнажающая не только зубы, но и десны. Каштановые волосы коротко подстрижены и уложены волной, лебединая шея, длинные руки. В целом хозяйка дома казалась очень привлекательной.

– А вот и ты, Алистер! – проговорила она, обнимая гостя на пороге.

– Как ты, Кора? Выглядишь восхитительно, – отозвался Алистер.

– О, ты знаешь, прямо-таки изнываю от жары. Слава небесам, у нас есть бассейн. А вы, должно быть, Ирен, – проговорила она, сопровождая слова сердечным рукопожатием. – Я просто уверена, что мы станем лучшими подругами, – произнесла она с таким жаром, что Ирен сразу задалась вопросом, кого она хочет в этом убедить.

Муж Кору погиб на передовой. Алистер рассказывал Ирен, что незадолго до войны Кора вышла за молодого человека по имени Бертрам, в которого была влюблена с детства и который поймал шальную пулю в тот самый день, когда прибыл в Бельгию. С тех пор никто из числа тех, кому повезло вернуться, не смог составить ее счастье. Но уже через полчаса, видя, как та сияет, глядя на Алистера, вспыхивает всякий раз, когда тот на нее смотрит, и смеется в ответ на его слова, Ирен догадалась, в кого именно Кора влюблена безответной любовью.

Внутри Биддстон-Холл оказался столь же внушительным, как и снаружи, – сплошные туркменские ковры, сверкающее серебро, зеркала и ливрейные лакеи. Джерри недавно исполнилось восемьдесят лет, это был тихий осанистый человек, явно совершенно глухой, а Чарльз, довольно красивый мужчина, выглядел таким же оживленным, как сестра. Он был весьма импозантен, разве только ему не помешало бы сбросить немного лишнего веса. Их ждал невероятно обильный ужин, сервированный в самом конце чрезвычайно длинного обеденного стола.

– В следующий раз, когда вы к нам приедете, мы можем пригласить больше гостей, – сказала Кора, наклоняясь к Ирен. – Но сегодня мы хотели бы сами насладиться вашим обществом

⁴⁵ *Тюдоровский стиль* – стиль поздней английской готики, эпохи правления английской королевской династии Тюдоров (1485–1604).

⁴⁶ *Бифорий* – арочное окно или проем, разделенный колонкой или столбиком на две части.

⁴⁷ *Деревенская лужайка* – открытая территория в деревне, некогда общее пастбище в ее центре, использовавшееся для выпаса скота, с прудом для водопоя. Также служила в качестве места проведения общественных гуляний.

и не разделять это удовольствие ни с кем, правда, Чарли? – Ирен улыбнулась, но не нашлась с ответом. Она подумала, что Алистер мог предупредительно сообщить своим друзьям, будто она застенчива или нездорова, отчего почувствовала себя маленькой и незначительной. Ирен опустила глаза на суфле из лосося и не поднимала их некоторое время. Но Кору это не остановило. – Расскажите мне все о Лондоне, – продолжила та. – Я так скучаю по нему между сезонами!⁴⁸ Не то чтобы здесь, в Уилтшире, мне не нравилось. Никто, пребывающий в здравом уме, не пожелал бы находиться в такую погоду в городе. Но через некоторое время его начинает не хватать. Вы уже встречались с Сент-Айвсами? С Джонни и Марией? Алистер! Разве можно все время держать жену взаперти? Их дом находится рядом с Малмсбери⁴⁹; это место как нельзя лучше подходит для того, чтобы переждать жару. Мы поедем туда на следующей неделе, в пятницу, и останемся до понедельника.

– Кора, трещотка, передохни, дай Ирен вставить хоть слово, – проговорил Чарльз, смеясь.

– Ой, я болтаю слишком много, да? Так и есть, это правда, – произнесла ничуть не смущенная Кора.

Ирен была счастлива дать им выговориться и лишь изредка произносила словечко-другое. Впрочем, она мало что могла вставить, так как хозяев явно заранее попросили не расспрашивать гостью о лондонском периоде жизни, а также о том, как быстро и внезапно он для нее закончился. Сама же она не знала людей и мест, о которых то и дело заходила речь. Джерри ответил на ее взгляд за десертом снисходительной улыбкой, Кора звонко расхохоталась при воспоминании о рождественском утреннике, на котором они вместе побывали в подростковом возрасте, а Чарльз выпил слишком много ромового пунша, и его пришлось увести куда-то за портьеры, чтобы он немного освежился. После трапезы мужчины отправились покурить и поиграть в покер.

– Не то чтобы дело того стоило, Ирен, – заметил Чарльз. – Но мне еще ни разу не удалось уговорить Алистера играть больше чем на шиллинг.

– Он преувеличивает, – возразил Алистер. – С тобой все будет в порядке? – обратился он к жене тихим голосом.

У Ирен не оставалось иного выбора, кроме как кивнуть.

– Конечно в порядке, – сказала Кора, беря руку Ирен в свою и бросая на Алистера сияющий многозначительный взгляд. Когда мужчины ушли, она слегка поутихла, томно опустилась на софу и закурила сигарету. – Хорошо, – сказала она. – Теперь мы можем получше узнать друг друга.

– Конечно, – ответила Ирен более жестко, чем собиралась.

Кора глубоко затянулась и выпустила струйку табачного дыма, слегка приоткрыв накрашенные губы.

– Итак, расскажите, как вы ладите с тетей Алистера?

Ее глаза опять заблестели, но Ирен трудно было понять, чем это вызвано.

– Нэнси... – начала она, тщательно обдумывая слова. – У меня не сложилось впечатления, что Нэнси приняла меня очень тепло.

Кора откинула голову и от души рассмеялась.

– Думаю, это можно назвать сильным преуменьшением! – воскликнула она. – Боже, я вам искренне сочувствую. Уверена, Алистер мог бы жениться уже раз пять, если бы не тетя Нэнси. Я знаю по крайней мере одну невесту, которую она отпугнула.

⁴⁸ Начало лондонского сезона обычно связывалось с началом работы парламента, возобновлявшего заседания после Рождества, но многие семьи возвращались в столицу гораздо позже. В мае сезон стартовал официально – с открытием ежегодной выставки Королевской академии искусств. За выставкой следовал водоворот балов, концертов, танцев, вечеринок и спортивных состязаний. Парламент приостанавливал работу 12 августа, когда начинался сезон охоты на куропаток, так что в августе высший свет покидал Лондон.

⁴⁹ *Малмсбери* – исторический ярмарочный город в районе Южный Котсуолдс в графстве Уилтшир.

– Полагаю, она для него как мать. Причем весьма требовательная.

– Она демон! И не притворяйтесь, что дело обстоит иначе, – хмурясь, проговорила Кора. Было видно, что ей не по душе сдержанность Ирен. – Почему еще такому обаяшке, как Алистер, пришлось настолько долго искать жену? Еще детьми мы все *трепетали* перед Нэнси. Лично я до сих пор немного напугана и не стыжусь этого признать. А что до вашего утверждения, будто она ему как мать... – При этих словах Кора наклонила голову набок и вздернула бровь. – Вы даже не представляете, насколько попали в точку.

– Что вы имеете в виду?

– Что ж, – тряхнула головой Кора и потянулась за своим бокалом с бренди, – я меньше всего привыкла распространять грязные сплетни. Но очевидно, придется, хотя бы один раз. – Она усмехнулась. – Вы ведь знаете, что отец Алистера был братом-близнецом Нэнси? По всем отзывам, детьми они были неразлучны. Ничего странного тут нет. Но я слышала, что, когда они стали старше, она осталась *чересчур* привязана к брату. Несколько более, чем положено сестре. Она позволила ему жениться только потому, что это был единственный способ не потерять все, что у них было, так как он проигрался в пух и прах, а Табита Хадли привезла из Америки колоссальное наследство. Ее родители владели половиной золотых приисков в Калифорнии. А когда Табита умерла, Нэнси в мгновение ока вернулась и посвятила жизнь заботе о брате и племяннике. Скорее как жена, чем сестра.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что...

Ирен замолчала, охваченная ужасом.

Кора махнула рукой сквозь облако дыма, окружавшего ее:

– О, никакого *библейского* греха, я уверена. Но все новые знакомые принимали их за мужа и жену, пока им не сообщали, что они брат и сестра. А с тех пор как умер старый Алистер, ваш Алистер стал тем объектом, на который она направила всю свою энергию. – Ирен заметила, что слова «ваш Алистер» Кора произнесла немного напряженно. – Так что я совсем не удивлена, что она не приняла вас.

Ирен стало любопытно, дошел ли слух о произошедшем в Лондоне до семьи Маккинли и знает ли Кора, что неприязнь Нэнси отчасти объясняется этим позором.

– Не думаю, что она когда-либо меня примет, – проговорила Ирен тоскливо.

– Вы правы, – произнесла Кора не без сочувствия. – Боюсь, вам предстоит нелегкая жизнь. – Она пригубила бренди из своего большого бокала. – Но если существует какой-нибудь мужчина, ради которого стоит терпеть Нэнси, то это Алистер, ведь так? – Она вскочила прежде, чем Ирен успела ответить. – Пойдем. Почему мужчинам должно доставаться все самое интересное? Хотите поплавать?

– Я... У меня нет купального костюма.

– У меня тоже. Не волнуйтесь, там крошечная тьма, хоть глаз выколи. Ну же, вот будет умора!

В итоге Кора стала плавать, а Ирен уселась на краешке шезлонга и закурила, наблюдая, как мотыльки бьются о лампы, и размышляя над тем, что обилие звезд превратило черное ночное небо в лиловое. Воздух был наполнен запахом воды из бассейна и тонким ароматом еще теплого камня. Это была мечта, а не ночь, слишком теплая и красивая, чтобы ее величие можно было выразить словами, но и она не смогла тронуть Ирен, и в душу ей заползло отчаяние. Неужели она всегда теперь будет такой бесчувственной? Ирен ожидала, что Алистер к концу вечера окажется навеселе, но тот был трезв как стеклышко. По дороге домой он накрыл плечи жены пиджаком, потом обнял ее и ловко правил, держа поводья в одной руке.

– Все прошло хорошо? – спросил он. – Они тебе понравились?

– Думаю, их просто нельзя не полюбить, – ответила Ирен, и Алистер улыбнулся.

– Я рад.

– Как твоя игра в покер?

– О, не очень хорошо. Мне всегда не везет, вот почему я отказываюсь делать по-настоящему крупные ставки. Я играю только для того, чтобы составить компанию Чарльзу. Карты – это то, в чем мне не хотелось бы пойти по стопам отца, – признался он, и Ирен вспомнила слова Кора о том, что в свое время лишь приданое Табиты помешало Усадебной ферме перейти в чужие руки.

– Он слишком любил карты?

– Верно. Не то чтобы я это видел. Когда я был мальчиком, Нэнси одним взглядом могла его остановить, насколько я помню. Но мне доводилось слышать, что, когда они были моложе, ей не всегда удавалось его обузывать.

Некоторое время они ехали молча. Фонари стенхоупа освещали дорогу всего на несколько футов перед ними, и сова-сипуха бесшумно кружила над головами, высматривая добычу.

– Думаю, Кора к тебе равнодушна, – произнесла Ирен под прикрытием темноты.

– Возможно, – смущенно ответил Алистер. – Она прекрасная женщина. Но мое сердце принадлежит тебе с того самого мгновения, когда я увидел тебя, Ирен. – Он притянул ее ближе и поцеловал в волосы.

Когда Алистер занимался с ней любовью, Ирен замечала множество разных вещей. Мягкость простыней, достаточно давно находившихся в употреблении, легкий зуд в глазах от пыльных перьевых подушек, которые пора было заменить. Странные стуки и скрипы в доме, появившиеся, когда он остывал, окутанный ночной прохладой. Отбрасываемые балками темные тени, тянувшиеся через весь потолок. Легкий шорох, возникавший при трении щеки Алистера о ее собственную. То, как затуманивались глаза мужа, когда чувства уносили его в непонятную даль, и то, как ее ум проделывал нечто противоположное, неумолимо фиксируя внимание Ирен на окружающих ее предметах. Ей хотелось избавиться наконец от ощущения, будто она предает Фина, и в то же самое время перестать надеяться, что, где бы тот ни был, он почувствует ее предательство и испытает боль. Скорчится в своей постели, а Сирена будет спать рядом с ним. Или, возможно, не будет. В глубине души Ирен хорошо понимала, что такими мыслями только изводит себя и ее страдания большинству людей могут показаться вполне справедливым возмездием. Ей не были противны прикосновения Алистера. Муж не вызывал у нее отвращения; он был по-своему прекрасен. Ей нравились его запах и ширина бедер, ритм страстных движений. Тело Ирен предательски игнорировало ее волю и тянулось к Алистеру. Ирен мучил вопрос, что бы случилось, не будь в ней этого раздвоения. Может, она испытала бы к мужу то, что должна, и снова влюбилась? Сможет ли она это сделать опять? Остались ли в ней силы для еще одной страсти?

Потом Алистер встал, чтобы выпить воды, и надел пижамные брюки. С покрасневшими щеками, взъерошенными волосами он выглядел по-мальчишески и буквально светился от счастья. Ноги у него были длинными и гладкими; не мускулистыми, не дряблыми, но статными, стройными.

– Тебе что-нибудь нужно, дорогая? – спросил он, ложась рядом с ней и опираясь локтем на подушку. Ирен покачала головой, хотя попросить хотелось о многом. Она едва могла вынести его постоянные попытки угодить ей и чувство вины, которую они заставляли ее испытывать. – Да, кстати... Я слышал, нам больше не угрожает колдовство вуду?⁵⁰ – проговорил Алистер, опуская голову на подушку и кладя руку на талию Ирен. При этом он улыбнулся, отчего вокруг его глаз возникли ласковые морщинки, а лоб разгладился.

⁵⁰ Вуду – синкретическая религия, появившаяся на острове Гаити в среде чернокожих рабов; впоследствии обрела широкую популярность в массовой культуре, в особенности благодаря теме зомби, магических кукол и черной магии.

– Что?

– Я говорю о кукле, которую ты нашла. Пудинг сказала мне, что мамаша Таннер подтвердила: никакого колдовства.

– Ах да, это верно. Никакого колдовства.

– Ну, сразу легче, – улыбнулся он. – Боюсь, однако, что я не знаю, как установить, кому она принадлежала и что делала в дымоходе.

– Это не имеет никакого значения, – ответила Ирен совершенно искренне. На самом деле у нее был соблазн выбросить куклу, как только они вышли из дома Таннеров, но странное чувство значимости этого предмета пересилило. В конце концов она снова завернула куклу в материю и убрала в ящик стола. Вся история с походом в коттедж Соломенная Крыша сейчас вызывала у нее раздражение. Зря она поставила себя в такое неловкое положение. На нее накричал прикованный к постели старик перед целым выводком босоногих ребятишек. При мысли об этом ее охватывал стыд, и приходилось постоянно напоминать себе, что идея пойти к мамаше Таннер принадлежала ей самой, а вовсе не Нэнси. Опять она оплошала.

– Я уже забыла об этой находке, – добавила Ирен.

– Ну, в любом случае я рад, что ты побывала на людях и встретила с некоторыми жителями деревни. Даже если это были старая миссис Таннер и ее беспутное семейство.

– Оно у нее, по всей видимости, достаточно многочисленное.

– А с кем ты познакомилась?

– Ну, «познакомилась» – это чересчур громко сказано. Там были мамаша Таннер, конечно, много детей, несколько девочек постарше и женщина лет пятидесяти или чуть старше по имени Триш. И старый дед. Потом через некоторое время вернулся домой сам Таннер с двумя взрослыми парнями, но представляться они не стали, поэтому имен я не знаю.

– Ну, Триш – это жена Таннера. Взрослые парни, вероятно, были их старшими сыновьями, Иаковом и... Элиасом? Илией? Я забыл.

– Это не имеет значения. Не думаю, что вообще пошла бы к ним, если бы твоя тетя Нэнси несколько раз не посоветовала мне этого не делать. И я навряд ли постучалась бы в их дверь, если бы не Пудинг. Она совершенно бесстрашная, ты не находишь?

– В большинстве случаев – да. Полагаю, причина кроется в том, что другие дети слишком много ее дразнили, когда она была младше. Так что к разного рода передрягам ей не привыкать.

– Что вообще могло заставить ее родителей так назвать свою дочь? Пудинг! Не могла же она родиться толстушкой.

– Боже, это не настоящее имя. Просто детское прозвище, которое к ней прилипло. Остается ее пожалеть. Нет, настоящее имя... – Алистер нахмурился. – Знаешь, я его забыл. Что-то очень взрослое. Возможно, поэтому оно и не прижилось. Что-то на букву «Л»?.. Не помню. Тебе придется спросить у нее самой.

– Это не имеет значения.

Ирен только теперь обратила внимание, как часто она стала произносить «Это не имеет значения» с тех пор, как приехала из Лондона. Она взглянула на часы, когда Алистер гасил лампу. Было немного за полночь. «Ведьмин час»⁵¹ – она не называла так это время с тех пор, как вышла из детского возраста. Как только ей исполнилось семнадцать лет, Ирен по большей части проводила «ведьмин час» на людях, в Посольском клубе⁵² или каком-то другом ночном заведении, с родителями, а затем в компаниях, состоящих из молодых людей, перспективных молодых людей, ее двоюродных братьев и немногочисленных школьных подруг. Они быстро съедали ужин, сидя локоть к локтю за столами, которые были поставлены посреди огромной

⁵¹ В англоязычном фольклоре *ведьмин* (также колдовской) *час* – это время ночи, связанное со сверхъестественными явлениями.

⁵² *Посольский клуб* – ресторан на Олд-Бурлингтон-стрит в фешенебельном лондонском районе Мейфэр.

залы танцпола, запивали еду джин-тоником, а затем снова вставали, чтобы протанцевать еще один фокстрот, подсесть за другой стол, поискать глазами знакомых и себя показать, пока оркестр играл на балконе, почти скрытом за пеленой сигаретного дыма. Громкие разговоры, то и дело переходящие в крик, который только и можно было расслышать в окружающем гаме. Безумная энергия танцев и смеха. Яростная потребность в веселье, которая захлестнула Англию после Великой войны. Безработица не стала проблемой для гостей Посольского клуба, но нехватка молодых людей давала себя знать и тут. Это приводило незамужних женщин на грань отчаяния, вынуждая все время искать партию, и заставляло молодых мужчин чувствовать себя объектами охоты – что многим из них нравилось. Из-за этого некоторые женщины, особенно скромницы, боялись лишний раз заговорить с мужчиной, так как сразу предполагалось, будто за этим стоит непременно желание выйти замуж за этого мужчину.

Ирен принадлежала к числу как раз таких. Во всяком случае, она стеснялась подойти первой. К тому же ее родителей одолевала настоящая мания, что она должна выйти за первого молодого человека, который ей понравится, а потому Ирен старалась не проявлять интереса ни к кому. Ее мать, подходившая к моде как к вопросу жизни и смерти, решила, что такое отсутствие уверенности в себе проистекает оттого, что дочь недостаточно худая для платьев, которые присылают из Парижа. И поэтому бедняжку перевели на диету настолько строгую, что Ирен проводила дни, цепenea от головокружения и чувства отрешенности от всего земного, вызванных голодом. За столом мать смотрела на нее так грозно, что Ирен вскоре вообще не могла есть в ее присутствии. Последние следы женственности сошли на нет, остались лишь по-мальчишески острые колени, тонкие руки, напоминающие два ершика для чистки трубки, и бескровное лицо, на котором подведенные тушью глаза казались двумя черными цветками. Она приучилась курить. Это помогало не думать о еде. Когда у нее не было сил танцевать, Ирен просто сидела. Когда у нее не оставалось сил разговаривать, она молчала, оглядывая залу с бесстрашием, на которое только и была способна, в надежде, что ее никто не попытается пригласить. А ее приглашали – в основном из-за видного положения, которое занимали родители, а также потому, что ее усталость и страх принимали за модную разновидность *скуки*. Вот она и просиживала вечер за вечером в шелках и жемчужном ожерелье, куря через черепаховый мундштук и задаваясь вопросом, чем и когда все это закончится. Такая жизнь считалась удовольствием, и находиться где-то в другом месте – например, дома – было все равно как сойти с поезда и позволить всему миру двигаться дальше по накатанным рельсам, но уже без тебя. Это было все равно как умереть.

Впервые Сирена и Фин пришли в Посольский клуб по приглашению Ирен. Это было в 1920 году, после того как они познакомились на том самом костюмированном балу, на котором Сирена была одета павлином. Впрочем, Сирена и без перьев была не менее яркой. Ирен понятия не имела, что именно побудило Сирену завести с ней знакомство. Вероятно, сыграли роль связи Ирен и то, как сшитое по парижской моде платье сидело на ее исхудавшей фигуре. А может, Сирена приняла изнуренный вид Ирен за модную презрительность к свету, которой ей самой не хватало. Или сочла новую подругу чистым холстом, на котором ей удастся рисовать красочные образы самой себя. Сирена повсюду таскала за собой Финя, держа его за руку, переходя от группы к группе, от стола к столу, – ведь это был муж, настоящая редкость, превосходный аксессуар для платья. В память Ирен врезался миг, когда Фин впервые коснулся ее руки. Они сидели бок о бок на мягкой банкетке. Время перевалило за полночь. Ведьмин час. Они походили на людей, очутившихся на обнаженной в отлив отмели на краю бурлящего людского моря. С одной стороны кипел водоворот танцпола, с другой – высился коренной берег столов, усеянных остатками ужина из пяти блюд и множеством недопитых бутылок. В голове Ирен не было ни единой мысли – лишь смутное ощущение того, что ей очень приятно сидеть рядом с ним, касаясь голым плечом рукава его пиджака, отчего по телу ползли мурашки. Она не слишком замечала Финя – так же, как и другие люди. Она помнила смутное чувство, будто

находится под его защитой, – ведь к ней едва ли кто-нибудь подошел бы в его присутствии. А еще при нем она сильнее ощущала дискомфорт от нашитых на платье блесток, царапавших кожу обнаженных рук. Говорил ли он перед тем, как дотронулся до нее? Вполне вероятно, что она просто его не слышала. Ее внимание было сосредоточено на прикосновении.

Она не могла вытащить ни единой нити из клубка запутанной пряжи, в который превратилось все, последовавшее потом. В ее памяти осталось лишь чувство, что прикосновение пробудило ее от кошмара. Разрушило клетку, которую она создала для собственной защиты. Рука, что легла на ее оголенное предплечье, казалось, вырвала ее из трясины, и она почувствовала облегчение. Как будто что-то открылось внутри. Она даже не могла точно вспомнить, что именно он тогда сказал. Может: «Вы не должны обращать внимание на Сирену, когда она так говорит». А может: «Вы потанцуете со мной когда-нибудь, Ирен?» Или: «Хотелось бы знать, что вы обо всем этом думаете?» Это не имело значения. Конечно же, не имело. Она лежала рядом с Алистером, прислушиваясь к его дыханию, становившемуся все более глубоким по мере того, как он засыпал, и вспоминала, что он тоже был там той ночью. Алистер Хадли, приехавший из провинции для встречи со своими друзьями по Итону⁵³. Немолодой – ему исполнилось почти сорок, – но все равно красивый. Она помнила, как познакомилась с ним, а затем видела его на нескольких вечеринках – одна из них, возможно, даже прошла в его квартире в Мейфэре – и даже проехала с ним в его новом «алвисе». Высокий мужчина с прямыми светлыми волосами, добрыми глазами и немного безвольным подбородком. Она танцевала с ним – во всяком случае, так ей казалось – если не в ту первую ночь, когда Фин к ней прикоснулся, то в другую, вскоре после нее. Она вспомнила, как подумала, что морщинки у его рта, возникающие, когда он смеется, делают его лицо слегка грустным. Но когда Фин прикоснулся к ее руке... Она поняла, что пробудилась ото сна, обретя наконец выход, и это чувство было гораздо сильнее, чем иллюзорное ощущение опасности, которое его сопровождало. Его было так легко игнорировать.

* * *

Илай Таннер хотел до нее дотронуться, Клемми в этом не сомневалась, и ее удивляло, почему он до сих пор этого не сделал. Ей казалось совершенно очевидным: она ему нравится. Девушка думала, что у него тоже не должно быть сомнений: она от него без ума и просто сгорает от любви. Любви живой, сильной, не нуждающейся в объяснениях – подобно тому, как в них не нуждаются солнце или ветер. Влюбленные встречались почти каждый день, гуляя по заливным лугам у реки вверх по ее течению, доходя до самого Форда или спускаясь вниз по направлению к Боксу, до Уидденхемской фабрики, на которой лет десять назад еще делали бумагу, но теперь она стояла безлюдная и пустая. Вода деловито шумела, стекая с плотины, ничуть не беспокоясь о своей теперешней ненужности. Коровы жадно пережевывали летнюю густую траву, стоя в грязи на берегу реки и отмахиваясь хвостами от слепней, то и дело садившихся им на бока.

Илай и Клемми сторонились жилья и больших дорог. Они держались тихих изгибов берега и прогуливались в тени деревьев по заповедным тропинкам, петляющим по краям полей, в которых отцветали синие колокольчики. Поднимаясь по ступенькам проходов через ограды выгонов и ныряя в бреши в живых изгородях, они старались, чтобы их не увидели. Они делали это по молчаливому соглашению. Клемми не знала, будет ли отец Илая возражать конкретно против нее или только против того, что Илай бьет баклуши. Против того, что он гуляет,

⁵³ *Итонский колледж* – частная школа-пансион для мальчиков 13–18 лет; находится в 30 км к западу от Лондона, рядом с королевским Виндзорским замком; основан в 1440 г. королем Генрихом VI. За время своего существования выпустил 19 будущих премьер-министров.

высвободившись из-под тяжелой отцовской опеки. Что же до родственников Клемми, то они наверняка будут против Илая, потому что он из семьи Таннеров. Возможно, ее родных возмутит сама мысль о том, что у нее есть жених, ведь раньше никто ею не интересовался, несмотря на хорошенькое личико. Из-за того, что она не умела говорить и все считали ее тронутой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.